

ISSN 2412-8228

№ 02(27)
2018

МАРТ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

• СВИДЕТЕЛЬСТВО РОСКОМНАДЗОРА ПИ № ФС 77 - 62020 •

ЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США

ИЗДАТЕЛЬСТВО: «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTP://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](http://www.scienceproblems.ru)
ЖУРНАЛ: «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»
[HTTPS://LEGALSCIENCE.RU](https://legalscience.ru)

9 772412 822006

ISSN 2412-8228 (Print)
ISSN 2541-7800 (Online)

Отечественная юриспруденция

№ 2 (27), 2018

Москва
2018

Отечественная юриспруденция

№ 2 (27), 2018

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Вальцев С.В.

Зам. главного редактора: Ефимова А.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Боброва Н.А. (д-р юрид. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия),
Жамулинов В.Н. (канд. юрид. наук, Казахстан), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р
ист. наук, Россия), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), *Алиева В.Р.* (канд. филос.
наук, Узбекистан), *Акубаев Н.Н.* (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика), *Аликулов*
С.Р. (д-р техн. наук, Узбекистан), *Ананьева Е.П.* (д-р филос. наук, Украина), *Асатурова А.В.*
(канд. мед. наук, Россия), *Аскарходжаев Н.А.* (канд. биол. наук, Узбекистан), *Баймасов Р.Р.*
(канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Бакико И.В.* (канд. наук по физ. воспитанию и спорту,
Украина), *Бахор Т.А.* (канд. филос. наук, Россия), *Баулина М.В.* (канд. пед. наук, Россия),
Блейх Н.О. (д-р ист. наук, канд. пед. наук, Россия), *Боброва Н.А.* (д-р юрид. наук, Россия),
Богомолов А.В. (канд. техн. наук, Россия), *Бородай В.А.* (д-р социол. наук, Россия), *Волков*
А.Ю. (д-р экон. наук, Россия), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Гарагонич В.В.* (д-р
ист. наук, Украина), *Глуценко А.Г.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Гринченко В.А.* (канд. техн.
наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия), *Гутникова А.В.* (канд. филос. наук,
Украина), *Датий А.В.* (д-р мед. наук, Россия), *Демчук Н.И.* (канд. экон. наук, Украина),
Диененко О.В. (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева О.А.* (д-р филос. наук, Россия), *Доленко*
Г.Н. (д-р хим. наук, Россия), *Есенова К.У.* (д-р филос. наук, Казахстан), *Жамулинов В.Н.*
(канд. юрид. наук, Казахстан), *Жолдошев С.Т.* (д-р мед. наук, Кыргызская Республика),
Ибадов Р.М. (д-р физ.-мат. наук, Узбекистан), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук, Россия),
Кайракбаев А.К. (канд. физ.-мат. наук, Казахстан), *Кафтаева М.В.* (д-р техн. наук, Россия),
Киквидзе И.Д. (д-р филос. наук, Грузия), *Кобланов Ж.Т.* (канд. филос. наук, Казахстан),
Ковалёв М.Н. (канд. экон. наук, Белоруссия), *Кравцова Т.М.* (канд. психол. наук, Казахстан),
Кузьмин С.Б. (д-р геогр. наук, Россия), *Куликова Э.Г.* (д-р филос. наук, Россия), *Курманбаева*
М.С. (д-р биол. наук, Казахстан), *Курпаянц К.И.* (канд. экон. наук, Узбекистан), *Линькова-*
Даниельс Н.А. (канд. пед. наук, Австралия), *Лукиенко Л.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Макаров*
А. Н. (д-р филос. наук, Россия), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук, Россия), *Мейманов Б.К.* (д-р
экон. наук, Кыргызская Республика), *Мурадов Ш.О.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Набиев А.А.*
(д-р наук по геонформ., Азербайджанская Республика), *Назаров Р.Р.* (канд. филос. наук,
Узбекистан), *Наумов В. А.* (д-р техн. наук, Россия), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук,
Россия), *Петров В.О.* (д-р искусствоведения, Россия), *Радкевич М.В.* (д-р техн. наук,
Узбекистан), *Рахимбеков С.М.* (д-р техн. наук, Казахстан), *Розыходжаева Г.А.* (д-р мед. наук,
Узбекистан), *Романенкова Ю.В.* (д-р искусствоведения, Украина), *Рубцова М.В.* (д-р социол.
наук, Россия), *Румянцев Д.Е.* (д-р биол. наук, Россия), *Самков А. В.* (д-р техн. наук, Россия),
Саньков П.Н. (канд. техн. наук, Украина), *Селитреникова Т.А.* (д-р пед. наук, Россия),
Сибирцев В.А. (д-р экон. наук, Россия), *Скрипка Л.А.* (д-р экон. наук, Украина), *Сопов А.В.* (д-р
ист. наук, Россия), *Стрекалов В.Н.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Стукаленко Н.М.* (д-р пед.
наук, Казахстан), *Субачев Ю.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Сулейманов С.Ф.* (канд. мед. наук,
Узбекистан), *Трезуб И.В.* (д-р экон. наук, канд. техн. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид.
наук, д-р ист. наук, Россия), *Федоськина Л.А.* (канд. экон. наук, Россия), *Хилтухина Е.Г.* (д-р
филос. наук, Россия), *Цурилян С.В.* (канд. экон. наук, Республика Армения), *Чиладзе Г.Б.* (д-р
юрид. наук, Грузия), *Шамишина И.Г.* (канд. пед. наук, Россия), *Шарипов М.С.* (канд. техн.
наук, Узбекистан), *Шевко Д.Г.* (канд. техн. наук, Россия).

Выходит 12 раз в год

Подписано в печать:

12.03.2018

Дата выхода в свет:

14.03.2018

Формат 70х100/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,68

Тираж 1 000 экз.

Заказ № 1617

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Проблемы науки»

Территория

распространения:

зарубежные страны,

Российская Федерация

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по

надзору в сфере связи,

информационных

технологий и массовых

коммуникаций

(Роскомнадзор)

Свидетельство

ПИ № ФС77 - 62020

Издается с 2015 года

Свободная цена

© ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»

Содержание

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	5
<i>Овчинникова Л.А.</i> ПРИНЦИП ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	5
<i>Новоселова М.Д.</i> ПОНЯТИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	8
<i>Крученков П.Г.</i> РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМИРОВАНИЕ» И «ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ»: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	11
<i>Пешкова Т.И.</i> ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ.....	15
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.....	20
<i>Шумкин Е.М.</i> ПРАВО МИНОРИТАРИЯ НА ПРАВО.....	20
<i>Чекулаев С.С., Кобзарь Д.В.</i> ПРАВО НА ОБЩЕНИЕ С РЕБЕНКОМ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА. СУБЪЕКТЫ ДАННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, АНГЛИИ	23
<i>Мельникова С.М.</i> РЕЛЕВАНТНОСТЬ ЗАБЛУЖДЕНИЯ, ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ НЕВЕДЕНИЯ И ОШИБКИ	26
<i>Пономарев М.О.</i> ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	30
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	34
<i>Николаев В.С.</i> ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА» И «ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО)».....	34
<i>Васько А.А.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	37
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	40
<i>Ковальчук В.В.</i> ОСОБЕННОСТЬ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	40
<i>Владимиров В.А.</i> ЗНАЧЕНИЕ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	42
<i>Кононюк Н.С.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ	47
<i>Корелин Д.О.</i> СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ НАЕЗДЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА НА ПЕШЕХОДА.....	50
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	53

<i>Монашова К.Г.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОЕКТА АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РФ	53
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	56
<i>Климова М.В.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА	56
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	60
<i>Дергунов К.И.</i> ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ	60
<i>Калинченко А.Р.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	63
<i>Сейдимбек А.А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ИСК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРАНЦИИ	67

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРИНЦИП ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Овчинникова Л.А.

*Овчинникова Любовь Александровна - магистрант заочной формы обучения,
кафедра конституционного, международного права и правосудия,
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,*

*г. Саратов,
Старший помощник прокурора района,
Прокуратура Кировского района, г. Ярославль*

Аннотация: в статье на основе действующего законодательства, трудов ученых и исследований автора рассматривается проблема взаимной ответственности государства и личности. Исторически сложилось так, что проблема злоупотребления правом состоит из двух взаимосвязанных и в то же время самостоятельных частей [1]. Первая касается злоупотребления своими субъективными правами физическими и юридическими лицами, вторая — злоупотребления властью, т.е. теми правами и полномочиями, которыми в соответствии с действующим законодательством наделены государственные органы и их должностные лица для осуществления возложенных на них функций.

Ключевые слова: государство, личность, злоупотребление властью, Конституция.

УДК: 342.8

Государство подобно любому явлению, способно приносить в жизнедеятельность не только плюсы (позитивные результаты – упорядоченность, гарантированность прав и свобод человека и гражданина, безопасность и т.п.), но и минусы (негативные последствия – бюрократизм, произвол, злоупотребление властью, коррупцию, террор и т.д.).

С возникновением государства значительная часть людей оказалась неудовлетворенной тем, что данный социальный институт использовался всегда не в общественных интересах, что его сила, энергия, власть употреблялась не на общее благо, а в корыстных целях узкого круга лиц, групп, классов. В таких ситуациях государство из «слуги» общества превращалось в «хозяина», навязывало волю большинству, подавляло его, чинило произвол.

Государство, так же как и всякий иной социальный институт, воплощает в действие различные цели и задачи. Ввиду этого оно может служить и некоторым политическим группировкам, элитам, партиям, классам и т.п., но может действовать и в интересах всего общества. В первом случае оно выступает в роли «хозяина», во втором в роли «слуги». Термин «слуга» используется не для того чтобы «унизить» институт государственности, а чтобы показать его историческую миссию, ведь, в конечном счете, данный институт существует не ради самого себя (не государство ради государства), а ради общества, в целях создания благоприятных условий для развития личности. Именно общество содержит государство, которое выступает лишь политической частью общества, исторически призванной и обязанной его организовать.

Прогрессивно мыслящие люди все чаще стали задумываться над такими вопросами: как сделать, чтобы государство не превращалось из «слуги» в

«хозяина», как и с помощью какого средства направлять его энергию, силу, власть в русло общего блага, какое противоядие можно использовать в целях минимизации произвола и различных злоупотреблений?

На эти вопросы существует исторически широкая амплитуда мнений. Одни мыслители считают, что в принципе ничего нельзя противопоставить такой страсти. Так, Л.Н. Толстой писал: «Сколько не придумывали люди средств для того, чтобы лишить людей, стоящих у власти, возможности подчинять общие интересы своим или для того, чтобы передать власть только людям непогрешным, до сих пор не найдено средств для достижения ни того, ни другого...» [2].

Впервые в России в ст. 2 Конституции РФ закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Этим на уровне Основного Закона установлен приоритет личности, ее прав и свобод в системе социальных ценностей нынешнего российского государства и общества. В развитии этого глава 2 Конституции РФ наиболее полно и конкретно, в сравнении со всеми предшествующими Конституциями СССР и РСФСР, в соответствии с основными, фундаментальными правами личности, общепризнанными принципами и нормами международного права, провозгласила и гарантировала широкий спектр личных, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод человека и гражданина.

Статья 19 Конституции РФ, в частности, закрепила, что государство гарантирует равенство прав человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [3].

Особое значение имеет ст. 18 Конституции, установившая принципиально новое, по сравнению с предыдущими конституциями, положение, согласно которому права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, что они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [4].

Другую составную часть анализируемого принципа, нередко рассматриваемую в качестве самостоятельного принципа правового государства, составляет взаимная ответственность государства и личности. Постепенно, хотя, быть может и слишком медленно она приходит у нас на смену существовавшей ранее по сути, односторонней ответственности гражданина перед государством.

Один из аспектов идеи правового государства имеет в виду изменение соотношения свободы государства и общества в пользу последнего, в т.ч. и прежде всего на благо отдельной личности.

Сообразно этому развитие и защита прав и свобод граждан, возрастание их активности и инициативы в правовой сфере сами становятся одним из существенных факторов ограничения пределов государственной власти.

Именно такой принципиальный поворот во взаимоотношениях государства и личности предусмотрен Конституцией РФ. Одновременно с тем в ней закреплена и ответственность личности перед государством и обществом. Исходя из демократического принципа единства прав и обязанностей, Конституция РФ четко определяет краткий перечень основных обязанностей граждан, устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц.

Следует, однако признать, что практика реализации принципа взаимной ответственности между государством и личностью, приоритета в ней прав человека

пока еще далека от идеала. Все еще многочисленны факты неуважения и попрания прав граждан, в т.ч. права частной собственности, невыполнения обязательств со стороны государственных органов и должностных лиц.

Особенно нетерпимы растянувшиеся на годы нарушения права человека на жизнь, заключающиеся в систематических задержках выплаты зарплат, пенсий, пособий, что ведет к дальнейшему снижению и без того низкого уровня жизни населения. Поэтому очевидно, что без первоочередного наведения порядка в этом, казалось бы, элементарном деле и предотвращения подобного положения в будущем, сколько бы трудным это ни было, любые слова о выполнении государством конституционной обязанности по защите прав своих граждан будут восприниматься не более как пустой звук.

Или о какой взаимной ответственности государства и личности – не на бумаге, а на деле – можно говорить сегодня, например, во взаимоотношениях граждан с предприятиями и учреждениями связи, путей сообщения, гражданской авиации, жилищного хозяйства, бытового обслуживания, здравоохранения и т.п.?

Известно, что многие граждане не знают, как в новых условиях отстаивать свои законные интересы, далеко не всегда могут безболезненно и в приемлемые сроки восстановить свое нарушенное право. В этой связи остро стоит вопрос о необходимости законодательных мер, направленных против пока еще довольно распространенных произвола, бюрократизма, коррупции, коммерческой деятельности, неуважения к правам личности и других нарушений закона и государственной дисциплины со стороны чиновников.

Назрела необходимость в одновременном законодательном закреплении, с одной стороны, прочных гарантий прав государственных служащих, с другой – четкой системы ограничений и запретов в их деятельности.

Защита прав личности, как это следует из Конституции РФ – священный долг и первейшая обязанность всех без исключения государственных и муниципальных органов и служащих. Каждый из них обязан защищать права граждан в своей повседневной деятельности соответственно своей компетенции и присущими ему способами.

Конечно же, коренной поворот в отношении к личности, к правам и свободам человека и гражданина не может произойти в одночасье, но важно, что Конституция РФ провозгласила и гарантирует его как магистральный путь развития современной России.

Правовое государство – это организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений.

Философская основа теории правового государства сформулирована И. Кантом, который рассматривал государство как объединение множества людей, подчиненных правовым законом», и считал, что законодатель должен руководствоваться требованием: «Чего народ не может решить относительно самого себя, того и законодатель не может решить относительно народа» [5].

Теория правового государства вовсе не застывшая догма. Она развивается и сегодня, постоянно наполняясь новым содержанием по мере накопления в истории человечества правовых и нравственных традиций и политического опыта. Вместе с тем следует помнить, что в юридической науке никогда не было, единой общепризнанной концепции правового государства. Последнее свидетельствует о том, что она обосновывается и разрабатывается с разных мировоззренческих позиций, и соответствующих типов правопонимания, отражает реалии различных национальных политических и правовых систем, обладающих общими и специфическими особенностями и свойствами.

Список литературы

1. Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2000.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
3. Сафонов В.Г. Государство и право, 2004. № 12.
4. Алексеев С.С. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1998.
5. Кант И. Метафизика нравов, 1797. Соч. в 6 т.
6. Толстой Л.Н. Царство божие внутри нас // Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 28.

ПОНЯТИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Новоселова М.Д.

*Новоселова Мария Дмитриевна – магистрант,
Институт Права и национальной безопасности
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва*

Аннотация: в статье рассматриваются понятие и эволюция конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации. Появление института президентства в России. Особенности правового статуса Президента РФ.

Ключевые слова: институт Президентства, Президент РФ.

Предстоящие выборы нового Президента России 18 марта 2018 года опосредуют повышенное внимание к данному событию, как внутри страны, так и за рубежом. Учитывая, что 2018-й является также годом 25-летия Конституции Российской Федерации, эти два события имеют не только исключительную историческую значимость, но и представляют большой научный интерес. Требуется новое научно-теоретическое осмысление эволюции конституционно-правового статуса Президента, особенностей формирования его правового положения как высшего должностного лица в системе государственной власти.

Появление института президентства в России начинается не с начала 90-х гг. XX века, как принято считать, а значительно раньше. Еще в монархической России предлагались конституционные проекты, в которых обсуждалась возможность введения поста президента. Например, подобный проект был подготовлен видным государственным деятелем и реформатором П.А. Столыпиным [1, с. 206-210].

Во времена СССР, с одной стороны, президентство как модель государственного управления квалифицировалась как «буржуазная, а потому классово чуждая, непригодная для советской системы» [2, с. 288]. Но с другой стороны, - еще в Конституции СССР 1936 г. [3] присутствовал термин «коллегиального президента», которым обозначили Президиум Верховного Совета СССР. Вопрос о введении института президента ставился в середине 60-х гг. Н.С. Хрущевым, но идея поддержки не нашла. До принятия Конституции СССР 1977 г. [4] статус президента тоже обсуждался, но его закрепления в самой Конституции изначально не оказалось.

Институт президентства в России изначально имел много общего с американской моделью. В 80-е годы XX века вопрос о введении поста президента стал обсуждаться очень активно. Но была принята конструкция Председателя Верховного Совета

СССР, а на нее выдвинута кандидатура на тот момент Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Основной смысл конституционных реформ состоял в том, чтобы подпереть «партийным плечом» двуединый парламент - Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, дать ему «пусковой импульс» и прекратить на высшем уровне подмену партийными органами советских, представительных органов государственной власти аппаратом управления [5].

Согласно решениям XIX Всесоюзной партийной конференции (1988 г.) Верховный орган власти – Съезд народных депутатов СССР получил право избрания Президента, который должен был руководить внешней политикой и обороной, назначать Премьер-министра и исполнять другие функции. В дальнейшем идея с президентством была поддержана и развита на Втором Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.), на котором необходимость введения президентского поста обуславливалась неэффективностью работы основных государственных институтов. Президент должен был избираться прямым голосованием и являться главой государства. Аналогичная структура власти должна была создаваться и в союзных республиках [6].

14 марта 1990 г. III Съезд народных депутатов принимает Закон СССР «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» [7] (за подписью Председателя ВС СССР М.С. Горбачева), который легализовал статус президента (Глава 15.1), ввел должность вице-президента (127.4), исключил из Преамбулы Конституции руководящую роль Коммунистической партии, закрепил норму о многопартийности и учредил «Совет Федерации» (Глава 15.2).

Ключевой замысел Закона СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-I состоял в том, что первого Президента мог избрать в особом порядке Съезд народных депутатов (что и было сделано), а следующий Президент СССР мог быть избран только гражданами СССР на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Избранным считался кандидат, получивший больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании (ст.127.1 Конституции СССР 1977 г.).

Таким образом, судьба и политическая функция М.С. Горбачева как первого и последнего Президента СССР, одновременно являвшегося Генеральным Секретарем ЦК КПСС, была фактически предрешена еще до распада Союза (1991), поскольку при отмене руководящей роли Коммунистической партии, введения принципа многопартийности, учреждении нового органа власти «Совета Федерации», началась новая эпоха перехода от Республики Советов к Президентской Республике, в которой республиканские органы власти стали де-юре и де-факто заменять собой союзные (начиная от флага, и заканчивая выборами президента) [8].

Прямым следствием радикальной конституционной реформы в СССР стало расшатывание устоев союзного государства, появление харизматичных лидеров, образование республиканских политических элит, которые вступили в острую политическую борьбу за власть, а затем в противостояние с союзным Центром, что в итоге увенчалось распадом СССР. Среди новых лидеров был и Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин.

На фоне этих судьбоносных для общества и государства событий в политических кругах разгорелась полемика вокруг введения поста президента в РСФСР. Съезд народных депутатов РСФСР высказался против этой идеи. Вместе с тем, 17 марта 1991 г. на всесоюзном референдуме «Быть ли Союзу ССР», состоявшимся на основании соответствующего нового Закона [9], 69,85% советских граждан высказались «за» пост президента РСФСР. Наряду с этим 76,4% сказали «да» сохранению РСФСР в составе СССР [10, с. 9].

По результатам референдума были приняты: Закон «О Президенте РСФСР» [11] и Закон «О выборах Президента РСФСР» [12]. IV Съезд народных депутатов РСФСР утвердил изменения и дополнения в Конституцию РСФСР [13], в том числе связанные с

введением поста Президента РСФСР, и Закон РСФСР от 27 июня 1991 г. «О вступлении в должность Президента РСФСР» [14]. 22 мая 1991 г. Президентом РСФСР становится Б. Ельцин, за которого проголосовало 57,3% граждан, принявших участие в голосовании. Особенности его статуса в соответствии с новыми законами состояли в том, что он стал высшим должностным лицом и главой исполнительной власти.

Однако, введение института президентства в РСФСР не привело к коренным изменениям в системе государственного правления, так как главная роль по-прежнему принадлежала Съезду народных депутатов и Верховному Совету. Поэтому с начала 90-х гг. шел интенсивный процесс подготовки новой Конституции России. В итоге конституционно-правовой статус, основные функции и полномочия Президента РФ были закреплены в Главе 4 Основного закона - Конституции Российской Федерации 1993 года [15].

В целом внешней предпосылкой становления института президентства в России явилась мировая, главным образом американская, практика аналогичного института, но существовали и внутренние предпосылки, в том числе опыт того политического строительства, который Россия накопила за свою историю. Специфические предпосылки становления института Президента в России впоследствии дали основание говорить об особенностях правового статуса Президента в нашей стране и даже о появлении в России новой ветви власти – «президентской», обеспечивающей охрану государственного суверенитета и согласованное функционирование всего механизма государства.

Список литературы

1. *Аврех А.Я.* Столыпин и судебные реформы в России. М.: Политиздат, 1991. 290 с.
2. Советское государственное право / Кабышев В.Т., Миронов О.О., Фарбер И.Е. Под ред.: Фарбер И.Е. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 324 с.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс]: [Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 года] // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии ВС СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР, 1977, № 41. Ст. 617.
5. *Лазарев Б.М.* Президент СССР // Советское государство и право. М.: Наука, 1990. № 7. С. 3-14.
6. *Кузнецов Е.Л.* Из истории создания института президента СССР // Государство и право, 1996. № 5. С. 95-104.
7. Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-I «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР»: Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 21 марта 1990 г. № 12. Ст. 189.
8. *Овсепян Ж.И.* О некоторых аспектах концепции конституционной реформы в СССР // Советское государство и право, 1991. № 8. С. 3-14.
9. Закон РСФСР от 16 октября 1990 года № 241-I «О референдуме РСФСР»: Закон РСФСР от 16 октября 1990 года № 241-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 16 октября 1990 г., 1990. № 21. Ст. 230.
10. *Авакьян С.А.* Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 1998. № 1. С. 8-40.
11. Закон от 24.04.1991 № 1098-1 «О Президенте РСФСР»: Закон от 24.04.1991 № 1098-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР от 25 апреля 1991 г. № 17. Ст. 512.

12. Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 «О выборах Президента РСФСР»: Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 25 апреля 1991 г. № 17. Ст. 510.
13. Закон РСФСР от 24 мая 1991 г. № 1326-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР»: Закон РСФСР от 24 мая 1991 г. № 1326-I // Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 30 мая 1991 г. № 22. Ст. 776.
14. Закон РСФСР от 27 июня 1991 г. «О вступлении в должность Президента РСФСР»: Закон РСФСР от 27 июня 1991 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 27 июня 1991 г. № 26. Ст. 880.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 2014. № 31. Ст. 4398.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМИРОВАНИЕ» И «ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ»: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Крученков П.Г.

*Крученков Павел Григорьевич – магистрант,
юридический факультет,
Институт права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва*

Аннотация: в статье описываются доктринальные подходы к содержанию понятия «информирование» и «предвыборная агитация» и общие принципы информационного обеспечения выборов в Российской Федерации. Подробным образом показаны существенные отличия понятий информирования и предвыборная агитация. Приведена судебная практика, как правоприменительный пример использования указанных понятий.

Ключевые слова: выборы, информационное обеспечение выборов, агитация.

УДК 342.849.5

Информационное обеспечение выборов, как уже отмечалось, включает в себя информирование избирателей и предвыборную агитацию.

Законодатель не дает определения информирования избирателей, что является пробелом в действующем избирательном законодательстве, который необходимо восполнить. Ряд ученых предлагают различные варианты понятия «информирование избирателей».

Как отмечают Р.Т. Биктагиров и Б.И. Кинзягулов, информирование избирателей можно рассматривать в двух аспектах - как совокупность правовых норм, регламентирующих порядок информирования граждан о выборах и референдуме, а также как информационную деятельность определенных законом субъектов, осуществляемую в ходе избирательной кампании, кампании референдума [1].

Несколько иное определение приводят С.В. Большаков и А.Г. Головин. С.В. Большаков полагает, что информирование избирателей - это осуществляемая в рамках информационного обеспечения избирательной кампании деятельность определенных законом субъектов избирательного процесса по реализации прав

граждан и общественных объединений на получение информации о дне голосования, о кандидатах (о списке кандидатов), их программах, о сроках и порядке совершения избирательных действий, о ходе избирательной кампании, об итогах голосования и результатах выборов [2].

По мнению А.Г. Головина, информирование избирателей - это осуществляемая в период избирательной кампании систематическая деятельность по доведению до сведения избирателей объективной и достоверной информации, связанной с выборами, не носящей агитационного характера [3].

Чуров В.Е. отмечает, что «отношения в процессе производства и распространения электоральной информации регулируются нормами избирательного и информационного права, что предопределение общностью предмета регулирования - отношений, возникающих в сфере производства и распространения информации».

Он считает, что «между субъектами информационного права возникают правоотношения, которые являются предметом регулирования информационного права; если указанные субъекты права являются одновременно участниками избирательной кампании, между ними возникают такие правоотношения, которые являются предметом регулирования избирательного права» [4].

Поскольку законодательство Российской Федерации о выборах не содержит дефиниции - информирование избирателей, необходимо внести определение информирования избирателей как деятельности, осуществляемой субъектами информирования в период избирательной кампании и имеющей целью способствовать осознанному волеизъявлению граждан Российской Федерации посредством, распространения информации о выборах, не содержащей признаков агитации.

Целями информирования является доведение до сведений избирателей всей полноты информации о выборах, в том числе о дате и месте голосования, о кандидатах и избирательных объединениях, об итогах голосования и др.

Предметом информирования является широкий круг сведений, связанных с подготовкой и проведением избирательной кампании, в том числе информация о начале избирательной кампании, о плане избирательной комиссии по подготовке и проведению выборов, о выдвижении кандидатов в депутаты, на иные выборные должности, об их регистрации, о поступлении и расходовании средств избирательных фондов кандидатов, о числе избирателей, принявших участие в голосовании, о результатах выборов, иная информация [5].

Разновидностью информирования избирателей законодатель считает опубликование (обнародование) результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами уточненный в Федеральном законе о выборах и референдумах (п. 1 ст. 46) [6].

Законодатель выделяет данный вопрос в отдельную статью, по-видимому, исходя из особого правового режима регулирования информирования избирателей.

Так, в соответствии с Федеральным законом о выборах и референдумах, при опубликовании (обнародовании) результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами и референдумами, редакции средств массовой информации, граждане и организации, публикующие (обнародующие) эти результаты, обязаны указывать организацию, проводившую опрос, время его проведения, число опрошенных (выборку), метод сбора информации, регион, где проводился опрос, точную формулировку вопроса, статистическую оценку возможной погрешности, лицо (лиц), заказавшее (заказавших) проведение опроса и оплатившее (оплативших) указанную публикацию (обнародование) (п. 2 ст. 46) [6].

Одним из видов такого социологического исследования как опрос является экзит-пул. И если опрос - это метод сбора первичной информации со слов опрашиваемого, то «экзит-пул» - особый вид электорального социологического исследования, проводимого в день выборов «у выхода» из избирательных участков путем проведения интервью с избирателями.

«Экзит-пул» - новый современный вид социологического опроса, который требует тщательного правового регулирования.

Однако однозначно определить данный вид опроса как разновидность информирования избирателей, было бы не совсем правильно, так как данный опрос в силу распространяющегося на него запрета обнародования до окончания голосования, не несет в чистом виде информативной функции.

Скорее это метод сбора первичной информации, а вовсе не информирование. Одной из наиболее актуальных проблем информационного обеспечения, выборов является разграничение понятий «информирование» и «предвыборная агитация».

Трудности разграничения предвыборной агитации и информирования избирателей явились причиной большинства жалоб участников избирательных кампаний по вопросам информационного обеспечения выборов, которые рассматривались в ходе федеральных избирательных кампаний на заседаниях рабочих групп по информационным спорам и иным вопросам информационного обеспечения выборов, а также в судах различных уровней.

Широкий резонанс получило рассмотрение в Конституционном Суде Российской Федерации дела о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации» и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова [7].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по этому делу, в частности, говорится о критерии, который позволяет различить информирование и предвыборную агитацию.

По мнению суда, таким критерием может служить «лишь наличие в агитационной деятельности специальной цели - склонить избирателей в определенную сторону, обеспечить поддержку или, напротив, противодействие конкретному кандидату, избирательному объединению.

В противном случае, как указывается в постановлении, «граница между информированием и предвыборной агитацией стиралась бы, так что любые действия по информированию избирателей можно было бы подвести под понятие агитации, что в силу действующего для представителей организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации, запрета неправомерно ограничивало бы конституционные гарантии свободы слова и информации, а также нарушало бы принципы свободных и гласных выборов» [7].

В документе отмечено, что «умысел...заключается лишь в осознании прямой цели данного противоправного действия».

Признавая важнейшее значение данного постановления Конституционного Суда Российской Федерации для правоприменительной практики по вопросам информационного обеспечения выборов, необходимо отметить, что доказать в судебном порядке наличие умысла представляется крайне затруднительным.

Очевидно, что этот вопрос необходимо дополнительно тщательно проработать и внести уточняющие изменения в избирательное законодательство в части, регулирующей порядок информирования избирателей и проведения предвыборной агитации.

Важным для правоприменительной практики явилось решение Верховного Суда Российской Федерации по разрешению избирательного спора в связи с распространением агитационных материалов одной из политических партий, участвующих в выборах в Ставропольском крае.

Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел кассационную жалобу председателя Избирательной комиссии Ставропольского края на решение Ставропольского краевого суда от 5 марта 2007 года, которым удовлетворены требования, заявленные избирательным объединением региональное отделение политической партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» в

Ставропольском крае о признании незаконным и отмене Постановления Избирательной комиссии Ставропольского края, касающегося нарушений данным избирательным объединением ст. 45 Федерального закона «Об основных гарантиях...» [8].

Указанное избирательное объединение в ходе выборов депутатов Государственной Думы Ставропольского края, назначенных на 11 марта 2007 г., выпустило агитационный материал, соблюдая требования, предъявляемые к данному виду агитации.

Однако избирательная комиссия посчитала данный материал информационным, так как в нем содержалась информация о дате выборов. Верховный Суд оставил без изменения решение Ставропольского краевого суда, а кассационную жалобу председателя Избирательной комиссии Ставропольского края без удовлетворения.

Итак, из всего вышеперечисленного необходимо отметить, что информирование не должно содержать признаки предвыборной агитации, указанные в п. 2. ст. 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6].

Список литературы

1. Биктагиров Р.Т., Кинзягулов Б.И. Курс современного избирательного и референдумного права России: теория, законодательство, практика. Т. 1. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2011.
2. Большаков С.В., Головин А.Г. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации. М.: Весь мир, 2007.
3. Головин А.Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. М.: Московское бюро по правам человека, 2011.
4. Чуров В.Е. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М.: МедиаПресс, 2009.
5. Чуров В.Е. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М.: МедиаПресс, 2009.
6. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 01.06.2017) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017). // «Собрание законодательства РФ», 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова».
8. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ. 20.12.2017).

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Пешкова Т.В.

*Пешкова Таисия Васильевна - магистрант заочного отделения,
Западно-Сибирский филиал
Российский государственный университет правосудия, г. Томск*

Аннотация: в статье анализируется толкование понятия «жилое помещение» на основании норм Российского законодательства, регулирующих жилищные отношения. А также рассматриваются признаки жилых помещений, предъявляемые нормы и основания признания жилого помещения.

Ключевые слова: жилое помещение, жилище, жилищные отношения, недвижимость.

Российское законодательство наряду с термином «жилое помещение» часто использует похожее понятие «жилище». С целью единого толкования понятия «жилое помещение» в рамках данного исследования, а также правильного применения законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих жилищные отношения, необходимо провести сравнительный анализ данных понятий.

В толковом словаре В.И. Даля можно найти следующее определение: «жилище – там, где живут люди, где поселились, селенье, сельбище, селитбище, население, селище; дом, изба, землянка, комната, покой, квартира» [1].

Понятие «жилище» используется в ст. 25 Конституции РФ и в ст. 1 Жилищного кодекса РФ. В данных статьях речь идет о правах на жилище и о его неприкосновенности [2].

Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» под жилищем понимает место жительства (жилой дом, квартира, приют, дом-интернат для инвалидов, ветеранов и др.), в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и место пребывания (гостиница, санаторий, больница, турбаза и др.), а также жилое помещение, не являющееся местом жительства гражданина, но где он проживает временно [3]. Из этого понятия можно сделать вывод, что жилище – это не только место жительства, но и место пребывания.

Под «жилищем» в ст. 139 Уголовного кодекса РФ понимается «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания» [4]. В п. 10 ст. 5 Уголовно-Процессуального кодекса РФ содержится несколько иное понятие жилища: вместо признаков пригодности и предназначенности закреплён признак используемости [5]. Этот признак прямо вытекает из статьи 25 Конституции РФ, которая гласит, что в жилище должен кто-либо постоянно или временно проживать, т.е. использовать для проживания. Данное определение достаточно широко трактует понятие «жилище»: не называются конкретные признаки, отличающие жилое от нежилого; не конкретизируется понятие «пригодности для проживания»; не определяется точный временной период проживания. Под данную категорию «жилище» можно отнести и строительный вагончик, и пещеру. Поэтому, опираясь на вышеназванные источники, можно сделать вывод о том, что под понятием «жилище» подразумевают «абстрактную социально-экономическую категорию, не

имеющую четких юридических признаков, а призванную идентифицировать одну из важнейших потребностей человека - в жилье» [6. С. 126.].

Понятие «жилое помещение» раскрывается в Гражданском кодексе Российской Федерации, Жилищном кодексе РФ.

ГК РФ рассматривает жилое помещение в качестве объекта как вещного (ст. 288-293), так и обязательственного права (ст. 671-688). В перечне объектов гражданских прав, установленном ст. 128 ГК РФ, жилые помещения не выделяются в отдельную группу, поскольку охватываются категорией «вещи». Однако специфика жилых помещений обуславливает ряд особенностей их правового режима, которые придают указанному понятию самостоятельное юридическое значение [7. С. 157]. Статьи 288 и 558 Гражданского кодекса Российской Федерации используют обобщенное понятие «жилого помещения», в котором объединяются понятия: «жилой дом», «часть жилого дома», «квартира», «часть квартиры».

Пункт 2 ст. 288 ГК РФ устанавливает, что жилые помещения предусмотрены для проживания людей, а на основании п. 1 ст. 288 ГК РФ реализация прав собственника по владению, пользованию и распоряжению данными объектами недвижимости должна производиться в соответствии с их целевым назначением.

«Совокупность всех жилых помещений, состоящая из жилых домов, специализированных домов, квартир, служебных помещений и помещений в иных строениях, пригодных для проживания» включалась в определение жилищного фонда ст. 1 ранее действовавшего Закона Российской Федерации от 24 декабря 1992 года «Об основах федеральной жилищной политики».

Наиболее полное понятие «жилого помещения» содержится в ст.ст. 15-17 Жилищного кодекса Российской Федерации. Под жилым помещением в ч. 2. ст. 15 ЖК РФ понимается «изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, т.е. отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства».

На основании высказанного определим основные признаки жилого помещения.

Во-первых, жилое помещение - это конкретный объект жилищных и гражданских прав. Ст. 16 ЖК РФ определяет виды жилых помещений: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната. При этом жилым домом признается здание (самостоятельный объект), которое состоит из комнат, помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании. Квартира - это структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования и состоящее из одной или нескольких комнат, помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении. Комнатой признается часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования в качестве места проживания граждан в жилом доме или квартире [7. Т. 1. С. 103.].

А также к жилым помещениям будут относиться пригодные для постоянного проживания служебные, ведомственные, специализированные дома (приюты, гостиницы, дома маневренного фонда, общежития, дома-интернаты для инвалидов, ветеранов, дома для одиноких престарелых людей), зарегистрированные в этом качестве помещения в государственных органах и включенные в жилищный фонд.

Во-вторых, жилое помещение должно быть изолированным. В настоящее время в законодательных и нормативно-правовых актах понятие изолированности жилого помещения не раскрыто [11. С. 235]. Данный принцип был закреплен в ст. 52 Жилищного кодекса РСФСР, на основании которого предметом договора найма могло быть только изолированное жилое помещение, состоящее из одной или нескольких комнат либо квартиры. Комната или часть комнаты, связанные с другой

комнатой общим входом (смежные), подсобные помещения не могли быть самостоятельным предметом договора найма.

Толковый словарь Ожегова трактует понятие «изолированный» как «обособленный, отделенный от окружающего».

Принимая данные факты во внимание, сделаем вывод о том, что жилое изолированное помещение должно быть отделено (обособлено) от иных жилых помещений, объектов общего пользования, иметь отдельный вход (выход) [12, с. 115].

В-третьих, жилое помещение должно являться недвижимым имуществом. На основании п. 1 ст. 130 ГК РФ жилые помещения относятся к недвижимому имуществу, а именно должны быть прочно связанными с землей, причем настолько, чтобы перемещение этих объектов было невозможно без несоразмерного ущерба их назначению. Поэтому, нельзя отнести к недвижимому имуществу, а значит, и к жилому помещению ни строительный вагончик, ни сборно-разборный домик, ни разборные дома народов –кочевников (юрты, яранги).

Отметим, что правомерность данного признака оспаривается некоторыми учеными. Так А.А. Иванов, указывает на то, что признак недвижимости является лишним определении жилого помещения: «... откуда возьмется «движимые» помещения, если они всегда рассматриваются как части зданий (сооружений) объектов недвижимости» [7. Т. 1. С. 88].

Б.М. Гонгало отмечает что, немалое количество граждан все еще проживает в сборно-разборных домах, вагончиках ит.п. Отношения по их использованию для проживания жилищным законодательством не регулируется (в соответствующих случаях применяются нормы гражданского законодательства о договоре имущественного найма (аренды) [7. Т. 1. С. 35]. В своем исследовании будем придерживаться определения недвижимости, истолкованной в п. 1 ст. 130 ГК РФ.

Четвертым признаком жилого помещения будет являться пригодность для постоянного проживания граждан. Пригодным для проживания будет такое жилое помещение, которое должно отвечать установленным санитарным, техническим, пожарным правилам и нормам. Порядок признания помещения жилым и требования, которым должно оно отвечать, устанавливает Правительство РФ (ст. 15 ЖК РФ). Помещение признается жилым, если оно конструктивно, функционально предназначено и пригодно по санитарному, техническому и иному потребительскому состоянию к постоянному проживанию граждан. Жилые помещения должны удовлетворять здоровому и безопасному проживанию, отвечать санитарным нормам и требованиям по площади, дневной освещенности, безопасности, водоснабжению, постоянному отоплению, проветриванию и другим условиям, обеспечивающим нормальное, здоровое проживание людей [13. С. 134]. Санитарные правила регулируются ФЗ РФ от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Постановлением Правительства РФ от 24.07.2000 №554, утв. Положение о санитарно-эпидемиологическом нормировании, а также Санитарно-эпидемиологическими требованиями к жилым зданиям и помещениям, утвержденными Главным государственным санитарным врачом РФ 15.12.2000 (СанПиН 2.1.2.1002-00).

Несоответствие указанным правилам и нормам является основанием признания жилого помещения непригодным для проживания (ч. 4 ст. 15 ЖК РФ) в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу».

В – пятых, на основании п. 1 ст 17 ЖК РФ жилые помещения имеют целевое назначение. В соответствии со ст. 288 ГК РФ жилые помещения предназначены исключительно для проживания граждан, а осуществление прав собственника по владению, пользованию и распоряжению такими объектами недвижимости должно

производиться в соответствии с целевым назначением этих вещей. Поэтому собственники жилых помещений не вправе использовать их площади не по целевому назначению. Без предварительного перевода жилых помещений в категорию нежилых с учетом обязательной регистрации их в органах, осуществляющих учет данного вида недвижимости, не допускается сдача жилых помещений внаем под разные кабинеты, конторы, склады, а также их продажа для указанных целей, то есть без изменения их целевого назначения [13. С. 235].

Государственный учет жилых помещений - это шестой признак. На основании ст. 19 ЖК РФ совокупность всех жилых помещений, находящихся на территории России, независимо от форм собственности, включая жилые и специализированные дома (общежития, гостиницы-приюты, дома маневренного фонда, жилые помещения из фондов жилья для временного поселения вынужденных переселенцев и лиц, признанных беженцами, специальные дома для одиноких престарелых, дома-интернаты для инвалидов, ветеранов и другие), квартиры, служебные жилые помещения, иные жилые помещения в других строениях, пригодные для проживания является жилищным фондом. Согласно части 4 статьи 19 ЖК РФ, жилищный фонд подлежит государственному учету в порядке, установленном Правительством России. Порядок государственного учета жилищного фонда установлен Положением о государственном учете жилищного фонда в Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 13 октября 1997 г. № 1301.

Основной задачей государственного учета жилищного фонда в Российской Федерации является получение информации о местоположении, количественном и качественном составе, техническом состоянии, уровне благоустройства, стоимости объектов фонда и изменении этих показателей.

Государственный учет жилищных фондов субъектов РФ относится к компетенции органов государственной власти субъектов РФ в области жилищных отношений (ч. 1 ст. 13 ЖК). Согласно ч. 1 ст. 14 ЖК РФ к компетенции органов местного самоуправления в области жилищных отношений относится учет муниципального жилищного фонда.

Седьмым признаком жилого помещения является измеримость. Жилые помещения - объект гражданского оборота (ст. 2, 10, 15 ЖК РФ) который подлежит измерению [10]. Общая площадь жилого помещения определяется как сумма площадей всех частей такого помещения, включая площадь помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в жилом помещении, за исключением балконов, лоджий, веранд и террас (п. 5 ст. 15 ЖК РФ).

В данной работе перечислены семь основных, по нашему мнению, признаков жилого помещения (конкретность объекта жилищных и гражданских прав, изолированность, недвижимость, пригодность для постоянного проживания, целевое назначение для проживания. Опираясь на вышеперечисленные определения и признаки понятия «жилища» и «жилое помещение» определим понятия «жилище» и «жилое помещение».

Под понятием «жилище» подразумевают «абстрактную социально-экономическую категорию, не имеющую четких юридических признаков, а призванную идентифицировать одну из важнейших потребностей человека - в жилье» [6. С. 126].

«Жилое помещение» - изолированное, подлежащее измерению помещение, которое предназначено для проживания, являющееся недвижимым имуществом и признанное законодательством Российской Федерации, пригодным для постоянного проживания граждан, входящее в состав жилищного фонда РФ, на основании государственного учета в соответствующих органах, регулирующие данные отношения.

Список литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. С. 542.
2. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года.
3. Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (принят 25.06.1993) (ред. от 25.12.2008.). М., 2009. Ст. 2.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2017).
5. Уголовно-Процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017).
6. *Малько А.В.* Юридический энциклопедический словарь / Малько А.В. и др.; под ред. А.В.Малько. 2-е изд. Москва: Проспект, 2016.
7. *Флейшиц Е.А.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015.
8. *Солопаев А.С.* Понятие и признаки жилого помещения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право», 2016. № 1. С. 155-163.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1, 2 (ред. от 28.04.2017).
10. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 03.06.2016) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».
11. *Крашенинников П.В.* Жилищное право / П.В. Крашенинников. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2016.
12. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный) под ред. О.А. Городова, 2016.
13. *Мурзин Д.В.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: учебно-практический: к части второй / Д.В. Мурзин, Н.Ю. Мурзина, С.А. Степанов; под ред. С.А. Степанова; Ин-т частного права. Изд. 4-е. Москва: Проспект, 2016.
14. Постановление Правительства РФ от 13.10.1997 № 1301 (ред. от 30.01.2013) «О государственном учете жилищного фонда в Российской Федерации».

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ПРАВО МИНОРИТАРИЯ НА ПРАВО

Шумкин Е.М.

*Шумкин Евгений Михайлович - старший преподаватель,
кафедра административного, финансового и корпоративного права,
Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск*

Аннотация: слово «minor», заимствованное из французского языка, семантически претерпело кардинальное изменение на закате XX века, когда приобрело иной смысл для людей, или их групп, обладающих каким-либо правом на меньший объект своих законных интересов, чем у их партнеров. Миноритарный кредитор, обладая всей полнотой власти над долгом и должником, императивно ограничен законодателем в своих интересах в отношении своих требований, в связи с их меньшим размером, чем у мажоритарных кредиторов. Легитимно ограничивая правомочия миноритария, обрекает ли его законодатель на формальное процессуальное участие и нивелирует ли его возможность на полное удовлетворение заявленных требований со стороны должника?

Ключевые слова: кредитор, должник, банкротство, законодатель, процедура, собрание кредиторов.

Среди специалистов в области несостоятельности (банкротства) юридических лиц есть убеждение в том, закон о банкротстве имеет прокредиторскую направленность. Действительное положение закрепленных в нем норм права повествует правоприменителям о широких правомочиях кредиторов.

Здесь следует отметить, что контроль над процедурой несостоятельности (банкротства) в отношении должника и деятельностью арбитражного управляющего, через собрание кредиторов (в основном) находится в руках кредиторов. Мажоритарных. Конечно, это дает возможность находиться в меньшей степени зависимости от текущих обстоятельств по делу и выбранной стратегии арбитражного управляющего. Нет секрета в том, что цель мажоритариев, видеть у руля процедуры лояльного к себе управляющего. Но даже при таких обстоятельствах у миноритарного кредитора существует возможность реализовать своё право за защиту своих интересов и удовлетворение предъявленных требований. Например, так можно влиять на все существенные процессуальные моменты каждой процедуры несостоятельности должника, такие как, оспаривание сделок, выбор привлеченных специалистов, утверждение Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника и т.д., либо выбор иной кандидатуры должника при смене процедуры в связи с новыми предъявляемыми требованиями. Для достижения целей конкурсного производства необходимо сообщать суду обоснованные возражения в отношении соответствия каждой процедуре кандидатуры арбитражного управляющего обоснованно; важно, именно от выбора арбитражного управляющего будет зависеть, во многом, стратегия работы по должнику. Подобные возражения как на стадии рассмотрения заявления о признании должника банкротом, так и при смене управляющего в процедурах крайне важны, учитывая степень зависимости проведения процедур банкротства от фигуры управляющего.

У законодателя, в рамках узкого специализированного законодательства о банкротстве, конечно, нет различий процессуальных различий в статусе кредитора. При этом, надо полагать, объем правомочий миноритарного кредитора выражается в минимальном наборе выражения своих прав для защиты законных интересов. По большому счету, после включения в реестр требований кредиторов, миноритарий процессуально присутствует на собрании кредиторов и принятые им решения по вопросам повестки дня оставляют вектор действий мажоритарных кредиторов неизменным и, чаще всего, миноритарии выбрасываются на обочину конкурентного поединка за имущество должника.

Рассмотрим ключевые моменты, дающие миноритарному кредитору возможность изменить «status quo» используя легитимный арсенал закона о банкротстве.

Первое. Включённость. Процессуальное присутствие с самого начала подачи заявления о несостоятельности кредитором, где важно участвовать во всех процессах по делу. Давая субъективную бальную оценку происходящему по принципу «важно - важно», мажоритарный кредитор сам себя выводит из борьбы. Получение всеобъемлющей информации основной аргумент присутствия в наблюдении. При наличии желания чувствовать себя комфортно в конкурном производстве, необходимо потрудиться в наблюдении. Важно изучить финансовое положение должника самостоятельно, а затем изучить представленный арбитражным управляющим анализ финансового состояния должника [1]. Последний является формальной обязанностью временного управляющего [2], за неисполнение которой, правда, ему может грозить дисквалификация. Но, чем меньше будет формальных моментов в этом анализе, значит их меньше будет в экспертизе по выявлению (отсутствию) признаков фиктивного (преднамеренного) банкротства [3], а значит кредитор создает платформу для потенциального оспаривания сделок должника по банкротным основаниям и возможного привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности. Полезно знакомиться со всеми, запрашиваемыми арбитражным управляющим, документами в отношении должника.

Второе. После принятия судебного акта о признании требований кредитора обоснованными и подлежащими включению в реестр требований кредиторов должника, миноритарный кредитор приобретает статус лица, участвующего в деле о банкротстве. В данном контексте, объем прав мажоритарных и миноритарных кредиторов, определенных законодателем, идентичен, а значит последние являются реально - полноправными процессуальными участниками дела о банкротстве. На данном этапе миноритарный кредитор приобретает право возражать по существу заявляемых требований новых кредиторов, знакомиться с материалами дела, обжаловать судебные акты по существу рассмотрения и принятия иных требований конкурсных кредиторов [4], а также в случае несогласия с позицией арбитражного суда по утверждению мирового соглашения [5].

Далее необходимо отметить следующее. При наличии информации об аффилированности арбитражного управляющего, должника, кредитора, необходимо сообщить её суду, который может её проверить и дать процессуальную оценку фактическим отношениям перечисленных лиц, участвующих в деле, заключающуюся в вынесении судебного акта, обосновывающего отказ от включения рассматриваемых требований в реестр требований кредиторов должника, беря во внимание действительные гражданско-правовые отношения, лежащие в основе возникшей кредиторской задолженности [6].

Ещё одна процессуальная возможность противостоять необоснованному включению в реестр требований кредиторов заключается в акцентировании внимания суда и лиц, участвующих в деле, на происхождении, движении и распределении денежных средств, послуживших основой образовавшихся и предъявляемых суду требований. Например, соответствие реального финансового положения кредитора на участие в сделке, приведшей, впоследствии, к образованию задолженности. Как

«провелись» данные денежные средства по данным бухгалтерского учёта должника и какова их дальнейшая легальная судьба [7].

Представляется также, что одним из наиболее действенных способов достижения цели конкурсного производства – удовлетворение реестра требований кредиторов, является право кредитора оспорить сделки должника вне зависимости от правовой позиции конкурсного управляющего, собрания кредиторов или же отдельных кредиторов и восстановить объем нарушенных прав [8].

Следует сказать и о праве кредитора с любым процентом включенных требований и возможности, на любой из процедур несостоятельности (банкротства), подать заявление в арбитражный суд заявление о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, предусмотренными новыми правилами главы III.3. Закона о банкротстве. Данная правовая конструкция предусмотрена законодателем для того, чтобы кредитор имел возможность взыскания убытков с лиц, указанных в данной главе, и удовлетворить свои требования в полном объеме на любой процедуре при отсутствии аккумуляции кредиторской задолженности, необходимой для подачи такого заявления.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.
2. Об утверждении временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 // СПС КонсультантПлюс.
3. Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Пленума ВАС от 22.06.2012 № 35 [п. 24] «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума ВАС от 23.10.2010 № 63 [п. 1] «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sudact.ru/ (дата обращения: 12.03.2018).
6. Определение ВС от 30.03.2017 № 306-ЭС16-17647 (6) по делу № А12-45752/2015 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sudact.ru/ (дата обращения: 12.03.2018).
7. Постановление Пленума ВАС от 22.06.2012 № 35 [п. 26] «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение ВС РФ от 10.05.2016 № 304-ЭС15-17156 по делу № А27-2836/2013// [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sudact.ru/ (дата обращения: 12.03.2018).

ПРАВО НА ОБЩЕНИЕ С РЕБЕНКОМ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА. СУБЪЕКТЫ ДАННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, АНГЛИИ

Чекулаев С.С.¹, Кобзарь Д.В.²

¹Чекулаев Сергей Сергеевич – ассистент;

²Кобзарь Диана Валерьевна – студент,
кафедра гражданского права и процесса,
юридическая школа
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

Аннотация: актуальность выбранной темы обусловлена тем, что существуют некоторые проблемы в законодательстве при реализации права на общение с ребенком при расторжении брака. В статье анализируется зарубежный опыт Германии, Франции, Англии при решении вопроса о том, кто имеет право на общение с ребенком.

Ключевые слова: Семейный кодекс, расторжение брака, родители, родственники, экспертиза, ребенок, права.

При решении, с кем из родителей оставить ребенка, суд должен выяснить ряд обстоятельств. Во-первых, суд, рассматривающий дело об определении места жительства детей, должен назначить экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений, данное положение содержится в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015 (в редакции от 26.04.2017). Также суд обязан учесть характеристики родителей ребенка, заключения экспертов, врачей, психологов, далее необходим учет материального положения родителей при определении места жительства ребенка, но важно помнить, что этот критерий не является определяющим при разрешении споров данной категории.

Как известно из судебной практики, чаще всего после расторжения брака ребенок остается с матерью, только в исключительных случаях, если мать имеет какую-либо зависимость или ведет неподобающий образ жизни, суд может решить оставить ребенка с отцом. Такое негласное правило является обыденностью для судов российской правовой системы. Хотя в Семейном кодексе РФ в ч. 2 ст. 65 [2, 19-20] закреплено равенство между супругами, но не всегда это равенство существует в действительности. Этому свидетельствуют различные решения многочисленных судов. Но даже если ребенок был оставлен с матерью, это не означает, что отец полностью вычеркивается из его жизни, наоборот, бывший супруг имеет право на общение с ребёнком, участие в его воспитании и решение вопросов получения ребенком образования (ч. 1 ст. 66 СК РФ [2, 20]). Это больше закреплено не как право одного из родителя, а как правовая гарантия соблюдения законных интересов ребенка. Конвенция о правах ребёнка формулирует несколько взаимосвязанных положений, специально предназначенных для обеспечения права на общение. Согласно п. 1 ст. 9 «Государства-участники обеспечивают, чтобы ребёнок не разлучился со своими родителями вопреки их желанию» [1, 5]. А согласно п. 3 данной статьи «Государства-участники уважают право ребёнка, который разлучается с одним или с обоими родителями» [1, 5]. Таким образом, Конвенция, с одной стороны, обращается к государству, с другой, включает в перечень прав ребёнка его право на общение с родителями (одним из них) [3, 10].

Семейный кодекс РФ также закрепляет такое положение (ст. 67) [2, 21], что право на общение с ребенком так же имеют дедушки, бабушки, братья, сестры и другие

родственники. Но данное право не является абсолютным для них, так как общение с вышеуказанными родственниками может быть ограничено органами опеки и попечительства либо судом, если данное общение нарушает законные интересы ребенка. Как известно, обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей, поэтому в случае нарушения данных интересов, один из родителей имеет право обратиться в орган опеки и попечительства или в суд за ограничением на общение с родственниками для его ребенка. Если родственники считают такой отказ неправомерным, то они имеют право обжаловать его в судебном порядке. Сложность данной ситуации состоит в том, что в Семейном кодексе РФ не предусмотрен досудебный порядок решения такого уровня спора, это является неким пробелом. Так бывшие супруги могут установить порядок общения с ребёнком и вообще все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей путём заключения взаимного соглашения, только если они не могут прийти к общему мнению, они обращаются в суд. Дедушки, бабушки, братья, сестры и другие родственники право на такую процедуру по Семейному кодексу не имеют. А необходимость этой процедуры очевидна, самым весомым аргументом является то, что судам не придется решать споры данной категории, если будет существовать досудебный порядок урегулирования споров, только в случае, если стороны не смогут прийти к соглашению, суд будет осуществлять свои функции. Так же, решения спора в суде, может самым отрицательным образом отразиться на ребенке. Как известно, бывают ситуации, когда родители не ладят с бабушками, дедушками и другими родственниками, а ребенок наоборот любит всех, и решение такого спора в суде отражается на его психике, более гуманным был бы способ составления досудебного соглашения между сторонами.

Также встает вопрос, имеют ли право на общение с ребенком лица, которые установили с ребенком тесную связь, но при этом не являются их родственниками. Речь идет об отчимах, мачехах и людях, которые за долгое время проживания под одной крышей с ребенком наладили дружескую связь с ним. Такие лица, по российскому законодательству, не имеют никакого права на общение с ребенком, если этому общению возражает родитель, так признав бывшего супруга небиологическим отцом ребенка, женщина имеет полное право изолировать своего ребенка от общения с ним. И любой суд согласится с этим решением. Поэтому-то Страсбургский суд признает Россию виновной в неуважении к семейной жизни.

Изучая зарубежный опыт, мы видим, что, например, такие страны как Франция, Германия, Великобритания закрепляют в своем законодательстве положения, которые позволяют любому лицу близкому к ребенку, потребовать права на контакт с ним, если они несут или несли в прошлом ответственность за ребенка и если такое общение отвечает интересам ребенка. Является ли это целесообразным? Судить не приходится. Посмотрим на данную ситуацию с двух углов.

Данный вопрос является не столько вопросом биологии, а скорее вопросом межличностных отношений. За долго время общения ребенка с лицом, у них сложилась эмоциональная связь, разрыв которой может серьезно повлиять на ребенка самым негативным способом. И в этой ситуации прослеживается полное нарушение законных интересов ребенка. С другой стороны, если бы законом была установлена обязанность продолжения общения с ребенком лицом, чьи родительские права, например, были оспорены судом, то данная обязанность могла бы порождать ситуацию, когда у ребенка фактически «появляются сразу два отца»: один биологический отец ребенка, другой - отец, который длительное время воспитывал ребенка как своего, но не подозревал, что не является его биологическим отцом. Данное положение не соответствует российскому законодательству.

Введение нормы, которая позволила бы лицам, тесно общавшимся с ребенком, требовать дальнейшего контакта с ним, может вызвать значительные трудности в практике применения. Во-первых, это трудности, связанные с определением

категории лиц, наделенных таким правом. Сколько по времени лицо должно было общаться с ребенком, чтобы в дальнейшем получить такое право? Это общение должно быть постоянным или возможны случаи периодического контакта с ребенком? Необходимо ли учитывать, каким образом повлияло данное общение на ребенка? Все эти вопросы носят оценочный характер, и в судебном рассмотрении могут быть установлены только с учетом мнения органов опеки и попечительства. Но, как известно, данные органы в большинстве случаев ничего не знают о межличностных отношениях, установившихся в семье.

При этом важно помнить, что одним из базовых принципов семейного права в РФ являются недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, а также обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи. В этой связи, закрепление за лицами, которые ранее имели тесный контакт с ребенком, права требовать дальнейшего общения с ним, может привести к ущемлению, как прав самих несовершеннолетних граждан, так и их родителей. Но если такое общение все же отвечает интересам ребенка, не должны ли мы ставить его интересы превыше интересов родителей? Вопрос остается дискуссионным. На данный момент в семейном законодательстве относительно указанных проблем не проводилось никаких преобразований и нововведений.

Суммируя все вышесказанное, хочется отметить, что все семейное законодательств, различные международные конвенции и пакты, основываются на верховенстве интересов ребенка. Ребенок – это лицо, которое легче, чем другие может быть ущемлено в своих правах. Поэтому должны быть установлены такие рамки, чтобы права, свободы и законные интересы детей никогда не нарушались. Поэтому то надо обратить особое внимание на семейное законодательство, регламентирующее различные права детей. Проблемы, которые были названы в этой работе, являются не единственными проблемами, связанными с детьми. Но уже даже здесь наблюдается пробел и не один. Необходимо стремиться к тому, чтобы белые места были заполнены ценной юридической информацией, которая будет помогать в регулировании сложных вопросов, возникающих в процессе правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г.: в ред. федер. закона от 1 мая 2017 г. // М.: Проспект, 2017. 32 с.
3. *Нечаева А.М.* Право ребенка на общение с обоими родителями / А.М. Нечаева // Ученые записки РГСУ, 2010. № 4. С. 10-13.

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ЗАБЛУЖДЕНИЯ, ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ НЕВЕДЕНИЯ И ОШИБКИ

Мельникова С.М.

*Мельникова Софья Михайловна – магистрант,
кафедра гражданского права и процесса,
Иркутский институт (филиал)*

*Всероссийский государственный университет юстиции
Российская правовая академия Минюста России, г. Братск, Иркутская область*

Аннотация: в статье анализируется существенность заблуждения. Приведены примеры из судебной практики. Разграничение заблуждения и ошибки и мнение автора относительно данной проблемы.

Ключевые слова: релевантность, существенность заблуждения, неведение, ошибка, практика.

Юридическое значение имеет только существенное заблуждение, т.е. такое искаженное представление стороны о действительном положении дел, что если бы она о нем знала, то, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку [1].

Вопрос о существенности заблуждения решает суд, оценивая конкретные обстоятельства дела. Суд принимает во внимание, насколько заблуждение существенно не вообще, а именно для конкретного участника сделки. При этом существенное значение имеют такие обстоятельства, как преклонный возраст истца, состояние его здоровья, возможность истца прочитать и понять условия сделки.

Пример из судебной практики. Суд отметил, что из смысла статьи 178 ГК РФ следует, что сделку можно признать недействительной, если воля ее участника неверно сформировалась из-за заблуждения, и поэтому сделка создала иные, а не те, которые на которые он рассчитывал, юридические последствия, то есть волеизъявление участника сделки не соответствует его настоящей воле. Например, существенным является заблуждение относительно природы сделки, то есть всего объема свойств, признаков и условий сделки, выражающих ее сущность. Вопрос о том, является ли заблуждение существенным или нет, решает суд с учетом конкретных обстоятельств каждого дела, учитывая, насколько заблуждение существенно не вообще, а именно для конкретного участника договорного правоотношения [2].

Необходимо отметить, что ст. 178 ГК РФ в обновленной редакции позволяет различить понятия «существенного» и «юридически релевантного» заблуждений. В прошлой редакции юридически релевантным, т.е. дающим сторонам способы эффективного оспаривания сделки, понималось любое заблуждение, имеющее существенное значение. Сегодня законодатель ввел ряд новых оснований - «ограничений оспаривания», согласно которым даже при существенном заблуждении сделка не признается недействительной (п. 4 ст. 178 ГК РФ) либо суд может отказать в признании недействительности договора (п. 5 ст. 178 ГК РФ).

Поэтому релевантным может признаваться только существенное заблуждение, однако оно не всегда может быть релевантным и являться основанием для признания договора недействительной [3].

Не всякое существенное заблуждение является релевантным и влечет недействительность договора [4].

В качестве примера, иллюстрирующего неведение, можно привести ситуацию, когда лицо, совершая сделку, подписывает договор, не ознакомившись с его условиями. В правоприменительной практике прослеживаются два подхода к оценке такой ситуации, получающие различную правовую оценку.

Например, если лицо в силу сложившейся ситуации (при проблемах со здоровьем, ввиду малограмотности) было не в состоянии ознакомиться с текстом договора и в связи с этим было введено в заблуждение относительно содержания производимого им волеизъявления, суды признают такую сделку недействительной по причине ее совершения под воздействием существенного заблуждения [5].

Напротив, Верховный суд Республики Карелии при рассмотрении одного из дел отметил следующее: «Доводы истца о том, что он подписал юридический документ, не прочитав его, говорят об отсутствии юридических оснований для признания отказа от наследства, совершенного истцом, недействительным по ст. 178 ГК РФ, т.к. из материалов дела и доводов истца видно, что истец не знал, какую сделку он заключает, подписывая заявление у нотариуса, из-за этого он не мог заблуждаться относительно природы заключенной сделки. Согласно ч. 1 ст. 9 ГК РФ граждане имеют право по своему усмотрению реализовывать свои гражданские права» [6].

Здесь суд довольно спорно разграничивает заблуждение и неведение, т.к. не вполне понятно, следует ли отличать заблуждение от всех других случаев неведения либо только от осознанного неведения, когда сторона договора не вводится в заблуждение. С другой стороны, вполне понятно, что осознанное неведение может существовать независимо от заблуждения. Исходя из этого, невозможно полностью согласиться с мнением о том, что осознанное неведение и заблуждение при заключении договора не имеют явных отличий и практического значения [7].

На наш взгляд, заблуждение в отличие от осознанного неведения всегда имеет ненамеренный характер. Поэтому в практическом отношении признание договора недействительным только на том основании, что сторона осознанно совершая сделку, понимала, что находится в неведении относительно существенных для совершения сделки условий, не соответствует требованиям справедливости и не удовлетворяет потребности гражданского оборота.

Заблуждение следует отграничивать и от ошибки. Разница между заблуждением и ошибкой при реализации волеизъявления в том, что при заблуждении наличествует некий порок воли. При ошибке при совершении волеизъявления порок воли отсутствует, воля формируется относительно безупречно, но при акте волеизъявления лицо по различным причинам действует ошибочно. В итоге получается расхождение воли и волеизъявления. Поэтому неверно трактовать такую ошибку как «существенное заблуждение», хотя законодатель, внося изменения в ст. 178 ГК РФ, пошел именно таким путем [8].

Э.В. Казгериева отмечает, что «ошибка» и «заблуждение» - похожие по смыслу и совпадающие по значению слова, которые нередко трактуются как синонимы. Однако по своему содержанию эти термины неравноценны, они содержат свой самостоятельный функциональный оттенок.

«Заблуждение» характеризует действие или процесс, состояние. «Ошибка» обозначает результат, событие [9].

Д.В. Славецкий считает, что «под заблуждением необходимо понимать лишь ложное мнение; заблуждаться - значит иметь ошибочное, неправильное представление о предмете». Исследователь также поясняет, что «неведение, незнание, неосведомленность еще не означают наличия ошибочного мнения», заключая, что «нельзя рассматривать неведение и ошибку как две разновидности заблуждения» [10].

О.А. Красавчиков, констатируя несоответствие воли и волеизъявления в случае заблуждения, указывал, что это несоответствие обусловлено «причинами, непреодолимыми для человека» [11].

В свою очередь О.В. Гутников, не поддерживая мнения о том, считая, что ошибка и неведение составляют два вида (две формы) заблуждения при совершении сделки, пишет, что при заблуждении воля лица расходится с волеизъявлением и «данный порок воли является ненамеренным (лицо не специально вводит себя в заблуждение)»

[12]. Следовательно, признаком заблуждения при совершении сделки служит ненамеренный характер.

Современный немецкий исследователь Р. Циммерманн, сопоставив сентенции Лабеона («Незнание права не приносит выгоды») и Павла («Никому не идет на пользу ошибка в праве»), заключает, что термины *error* и *ignorantia* «очевидно используются как взаимозаменяемые». Это положение вряд ли может служить достаточным доказательством тождественности понятий «ошибка» и «неведение», но оно свидетельствует о том, что в римском праве юридические последствия ошибки и неведения определялись сходным образом [13].

А. Баррилл, ссылаясь на упомянутую сентенцию Лабеона, а также на немецкого профессора Ф. Макельдея, приводил в своем юридическом словаре следующие сведения: «*Ignorantia*. Лат.: незнание; отсутствие знания. Отличается от ошибки (*error*) или неправильного представления» [14]. В свою очередь Ф. Макельдей в первой половине XIX в. отмечал, что *error* и *ignorantia* различны по своему значению, но подобны в плане юридических последствий: лицо ошибается, когда у него неправильное представление о предмете, в то время как при незнании лицо ничего не знает о предмете [15].

Ф.К. Савиньи характеризовал ошибку как «состояние сознания, при котором истинное представление о предмете заглушается и вытесняется ложным», а незнание - как «неосознанность самого предмета», при которой «место истинного представления не занимает какое-либо определенное другое», указывая при этом, что *error* и *ignorantia* «с юридической точки зрения... полностью подобны друг другу» [16].

Можно предположить, что именно сформулированное немецкими романистами положение о сходстве юридических последствий незнания и ошибки стало опорным для Д.И. Мейера и некоторых других отечественных цивилистов, посчитавших необходимым объединить *error* и *ignorantia* в родовое понятие заблуждения. Тем самым они хотели дополнительно подчеркнуть, что юридические последствия ошибки и незнания должны быть одинаковы.

Российское гражданское законодательство не дает легального понятия ошибки. В ст. 178 ГК РФ говорится о заблуждении при совершении сделки относительно ее природы, в результате чего наступает правовое последствие в виде признания ее недействительной и реституцию.

Ошибка - это неверная направленность в действиях и мыслях. Ошибка в субъективном понимании представляется как неверное осознание либо оценка неких обстоятельств. В объективном смысле ошибка проявляется в незаконном действии, в поведении лица; в юридическом или фактическом заблуждении относительно обстоятельств сделки.

Отсюда вытекает деление ошибок на юридические и фактические. В сфере реализации юридических правоотношений ошибка всегда учитывается, она имеет юридическое значение [17].

В вещных правоотношениях ошибки чаще всего носят фактический характер, т.к. возникают по поводу факта владения, пользования или распоряжения вещью.

Ошибка представляет собой умышленное либо неосторожное заблуждение субъекта относительно реализации своих гражданских прав, совершение им правомерных или неправомерных действий, влекущих либо не влекущих юридические последствия недействительности сделки [18].

Для понимания этой проблемы нужно учитывать критерий воли, которая искажается заблуждением.

Заблуждение и обман (который представляет собой введение в заблуждение с умыслом) похожи между собой: обманутая сторона тоже заключает договор, находясь под влиянием ошибки. При обмане эта ошибка умышленно провоцируется контрагентом по договору, поэтому обман можно трактовать в качестве особого вида спровоцированного заблуждения

Заблуждение при заключении договора может быть двух видов: заблуждение в волеизъявлении и ошибка в содержании волеизъявления. При заблуждении в волеизъявлении сторона договора ошибается в осознании собственных действий. При заблуждении в содержании волеизъявления заблуждение охватывает намерения лица, выражается в ошибочном представлении о юридических последствиях своих действий.

Заблуждение может быть односторонним и двусторонним, например, при двусторонней ошибке должника и кредитора - в этом случае субъекты договорного отношения могут ошибаться в отношении одинакового факта или различных обстоятельств.

Если на фоне совершаемой ошибки волеизъявление противоречит действительной воле лица, оно может быть отменено, если известно, что контрагент, в сторону которого обращено волеизъявление, знал или должен был знать об обстоятельстве, породившем ошибку. Искажение волеизъявления, умышленно реализованное лицом, которому была поручена его передача, во всех случаях ведет к отмене волеизъявления. Оказавшее влияние на волеизъявление ошибка относительно лица, к которому обращено волеизъявление, или относительно предмета сделки ведет к отмене договорного правоотношения.

Гражданское законодательство серьезно продвинулось в трактовке существенности ошибки, закрепив несколько ее видов в ч. 2 ст. 178 ГК РФ, причем сделав этот перечень открытым.

Заблуждение отличается от юридической или фактической ошибки при совершении сделки тем, что при наличии заблуждения происходит некий порок в формировании воли лица. В результате ошибочных действий при реализации волеизъявления такого порока нет, воля формируется относительно безупречно, но при таком волеизъявлении лицо по какой-либо причине совершает ошибку в действии, входящем в состав волеизъявления.

Существенное заблуждение – волевой порок участника договорного отношения, при котором он, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершил бы данную сделку, зная о действительном положении дел. При наличии в заключенной сделке хотя бы одного из открытого перечня установленных в гражданском законодательстве условий, договор признается недействительным.

Список литературы

1. *Гражданское право*: Учебник: в 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. С. 344.
2. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 24.05.2016 по делу № 33-8401/2016 (документ опубликован не был). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Зезекало А.Ю.* Новое в правилах о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения... С. 78.
4. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24.03.2016 № 33-6013/2016 по делу № 2-5971/2016 (документ опубликован не был). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 23.03.2012 по делу № 33-109/2012 (документ опубликован не был). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного суда Республики Карелия от 25.05.2012 по делу № 33-1466/2012 (документ опубликован не был). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Колосовский О.В. О необходимости отграничения осознанного неведения от существенного заблуждения при совершении сделки / О.В. Колосовский // Российский юридический журнал, 2016. № 2. С. 125-126.
8. Панов А.А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки / А.А. Панов // Вестник гражданского права, 2011. № 1. С. 58.
9. Казгериева Э.В. Общенаучная постановка проблемы ошибок и необходимость теоретического обоснования в правоведении / Э.В. Казгериева // Юридическое образование и наука, 2006. № 3. С. 89.
10. Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Славецкий. Самара, 2004. С. 50.
11. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. М., 1958. С. 97.
12. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания / О.В. Гутников. М., 2005. С. 200.
13. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Deventer; Boston, 1992. P. 604-605.
14. Burrill A.M. A Law Dictionary and Glossary. N.Y., 1870. Vol. 2. P. 40.
15. Mackeldey F. Compendium of Modern Civil Law. N.Y., 1845. Vol. 1. P. 163.
16. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. Одесса, 2012. Т. 2. С. 273.
17. Зезекало А.Ю. Заблуждение при совершении сделки / А.Ю. Зезекало. Томск, 2011. С. 44.
18. Кархалев Д.Н. Юридическое значение ошибки в гражданском праве / Д.Н. Кархалев // Вестник арбитражной практики, 2015. № 6. С. 30-34.

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Пономарев М.О.

*Пономарев Михаил Олегович – студент,
юридический факультет им. М.М. Сперанского,
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва*

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные проблемы современного корпоративного права, а также дискуссионность поднимаемой темы в рамках правовой культуры России, выраженной в появлении новых форм организации предприятий и юридических лиц, создание ГК и общее расширение гражданского законодательства. В работе анализируется развитие теории корпоративных правоотношений в отечественной цивилистике. Опираясь на работы выдающихся российских ученых-цивилистов: Евгения Алексеевича Суханова, Николая Дмитриевича Егорова, Вадима Анатольевича Белова, Октября Алексеевича Красавчикова и других, автор пытается сформулировать актуальное определение корпоративного права, отделить корпоративные правоотношения от предпринимательских и иных хозяйственных, а также определить его правовую сущность, природу. Автор предлагает классификацию деления корпоративных правоотношений на относительные и абсолютные, исходя из круга лиц, чьи обязанности корреспондируют стороне наделенным правом. Важен также аспект возможности регулирования данной совокупности отношений трудовым, административным, налоговым и некоторыми другими отраслями права. Основное внимание в статье уделено вопросу неверного выделения корпоративного права в

рамках хозяйственного или предпринимательского права. Также поднимается вопрос о возможном выделении корпоративного права в самостоятельную отрасль.

Ключевые слова: корпоративное право, гражданское право, корпоративные правоотношения, корпоративные отношения, корпорации, Гражданский кодекс.

Бурное развитие рыночных отношений, экономики и национального хозяйства страны за последние 30 лет сформировало запрос на своевременное правовое урегулирование новых для страны общественных отношений. Появление новых форм организации предприятий и юридических лиц, создание ГК и общее расширение гражданского законодательства требовали внесения определенной ясности в теорию корпоративных правоотношений, относительно новую для отечественной правовой мысли ветвь частного права.

Этим отчасти объясняется факт того, что данная теория до сих пор не до конца проработана отечественными цивилистами. Так, во многих монографиях корпоративные правоотношения либо относят к предпринимательскому праву, либо к хозяйственному [10, 32]. Достаточно широко распространено также мнение о корпоративных правоотношениях в рамках организационных [14, 13]. Впервые концепция организационных отношений была выдвинута О.А. Красавчиковым, но она не получила дальнейшего распространения [9, 50].

В некоторых теориях, корпоративные правоотношения рассматриваются как часть акционерного права [7, 102]. Но при этом наибольшие сомнения вызывают попытки рассматривать корпоративное право в рамках обязательственных правоотношений [11, 17]. Безусловно, корпоративные правоотношения по своей природе могут включать в себя и обязательственное право, то есть отношения по поводу обязательств между должником и кредитором, но корпоративные правоотношения всегда будут намного шире обязательственных, так как включают в себя и иные гражданско-правовые отношения (вещные и неимущественные).

При этом некоторые цивилисты вообще не считают нужным выделять корпоративные правоотношения и как-то упоминать их в своих работах. В качестве примера, можно привести учебник Гражданского права под редакцией А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. Профессор Егоров в своей главе пишет, что в предмете гражданского права выделяются следующие виды общественных отношений: отношения собственности и аналогичные им отношения, отношения экономического оборота, личные неимущественные отношения, отношения по поводу результатов творческой деятельности, семейные отношения, наследственные отношения [6, 36].

То есть совершенно не ясно, куда по логике авторов стоит относить корпоративные правоотношения. Взаимодействие субъектов при создании корпораций безусловно включает в себя и вещные, и обязательственные правоотношения. Но ни вещное, ни обязательственное право не способно по своему предмету регулирования вобрать в себя корпоративные отношения.

При этом следует отметить, что в рамках данной негативной тенденции положительная динамика начинает прослеживаться с появлением работ выдающихся отечественных цивилистов. В частности учебный курс гражданского права под редакцией Е.А. Суханова уделяет корпоративному праву должное внимание. Профессор Суханов отмечает, что усложнение имущественных отношений привело к появлению отношений по управлению частным имуществом корпорации (компании), основанных на началах самоуправления и строго фиксированного членства участников, которые складываются при управлении хозяйственными обществами и товариществами, а также производственными кооперативами [5, 40].

При этом в данном учебнике не только содержится характеристика корпоративных отношений, но и впервые в отечественной цивилистике четко выделено подотраслевое деление гражданского права: на вещное, обязательственное, исключительное и корпоративное право [5, 42].

Теорию корпоративных правоотношений развивают и другие отечественные цивилисты. Можно отметить достаточно глубокое изучение этой темы в работах В.А. Белова. Профессор Белов под корпоративными отношениями понимает общественные отношения частных лиц, которые имеют в своей основе объединение лиц, направленное на достижение общей независимо от организационно-правовой формы существования такого объединения, его правосубъектности или срока существования [4, 21].

В.А. Белов также отмечает научный плюрализм понятия корпоративного права, а также острую дискуссию в отечественной цивилистике относительно правовой сущности корпоративных правоотношений. Основная проблема заключается в том, что многие авторы видят корпоративные правоотношения как часть гражданского права, но между тем относят его и в отрасль хозяйственного, и в отрасль предпринимательского права.

Наибольшее беспокойство вызывает подход, когда корпоративное право относят к институту предпринимательского права. Сторонники этой концепции предлагают считать, что «корпоративное право регулирует создание, деятельность и прекращение корпораций» в их частноправовых и публично-правовых аспектах. Корпоративное право, прежде всего, определяет внутреннюю организацию, управление корпорациями, но вместе с тем регулирует и такие важнейшие аспекты их внешней деятельности, как представительство перед третьими лицами и ответственность перед кредиторами. Но ведь деятельность корпораций регулируется отнюдь не только корпоративным правом [13, 49].

Во многом позитивную роль в восприятии корпоративного права, как самостоятельной подотрасли гражданского права сыграл законодатель. Корпоративные отношения были включены в п.1 ст. 2 ГК РФ только ФЗ от 30 декабря 2012 г. №302-ФЗ. Сами же корпоративные отношения отделены в названной норме от договорных и обязательственных отношений, вещных и интеллектуальных прав [2].

Появление в ГК РФ общих положений о корпоративных отношениях вызывает необходимость соответствия им новых научных определений в этой сфере [3, 29]. Это в свою очередь будет приводить к улучшению качественной проработки, а также большей научной объективности в теории корпоративного права.

Мы можем отнести корпоративное право к регулятивным и долговременным правоотношениям. В зависимости от оснований выделяются относительные корпоративные правоотношения, в которых субъекты определены с достаточной четкостью для того, чтобы их идентифицировать, и абсолютные корпоративные правоотношения, предполагающие наличие указания лишь на одного субъекта, наделенного определенными правами по отношению к неопределенному кругу лиц. Не вызывает сомнений, что корпоративная деятельность в силу своей специфики должна регулироваться не только гражданским, но и административным, финансовым, трудовым и налоговым правом.

Присутствие же управленческого (публичного) аспекта в корпоративных отношениях, который не характерен для гражданско-правовых отношений, позволяет снова задуматься о верном отраслевом выделении корпоративного права.

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 30.12.2012 №302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса РФ» // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012. № 53. Ст. 7627.
3. Андреев В.К., Лантев В.А. Корпоративное право современной России: монография. М. Проспект, 2016.

4. *Белов В.А.* Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. М. Юрайт, 2009.
5. Гражданское право в 4-х томах под ред. Е.А. Суханова. М. Волтерс Клувер, 2007.
6. Гражданское право под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М. Проспект, 2002.
7. *Долинская В.В.* Акционерное право. Основные положения и тенденции. М. Волтерс Клувер, 2006.
8. *Кашанина Т.В.* Корпоративное право: Учебник. М. Норма-Инфра-М, 1999.
9. *Красавчиков О.А.* Гражданские организационно-правовые отношения // Сов. государство и право, 1996. № 10.
10. Корпоративное право: Учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2011.
11. *Ломидзе О.* Переход обязательственных прав участников юридических лиц // Российская юстиция, 1999. № 10.
12. *Макарова О.А.* Корпоративное право: Учебник. М., 2005.
13. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М. Статут, 2015.
14. *Степанов П.В.* Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: автореферат. диссертация канд. юр. наук. М., 1999.
15. *Синенко А.Ю.* Эмиссия корпоративных ценных бумаг: правовое регулирование, теория и практика. М., 2002.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА» И «ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО)»

Николаев В.С.

*Николаев Владислав Сергеевич – магистрант,
юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток*

Аннотация: в статье анализируются понятия «организованная группа» и «преступная организация (преступное сообщество)», их сходства и различия, а также уголовно-правовое значение в современном уголовном праве Российской Федерации. Автором выделено несколько наиболее актуальных проблем указанного института права и предложены возможные варианты решения.

Ключевые слова: уголовное право, соучастие, организованная группа, преступная организация, преступное сообщество.

Институт соучастия в уголовном законодательстве РФ всегда имел важное значение, как для правоприменителей, так и для ученых-правоведов, это объясняется тем, что преступления, совершенные в соучастии, имеют большую общественную опасность, а как следствие влекут более серьезные последствия и наносят больший вред. Говоря о соучастии, мы зачастую сталкиваемся с дерзкими, циничными и отлично спланированными преступлениями, а также преступниками, обладающими таким качеством, как профессионализм. В связи с этим указанный институт права нуждается в детальном урегулировании уголовным законом, в точных и емких формулировках, в ясности и логичности норм.

Современное уголовное законодательство РФ в ст. 32 УК РФ определяет соучастие в преступлении как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Ст. 35 УК РФ раскрывает формы соучастия, а именно нас интересует п. 3 и п. 4, где законодатель дает понятие организованной группы и преступного сообщества (преступной организации). Итак, организованной группой признается совершение преступления устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Преступным сообществом (преступной организацией) признается совершение преступления в структурированной организованной группе или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды [1]. Казалось бы, законом определены границы и рамки указанных форм соучастия, однако считаю, что определение «Преступное сообщество (преступная организация)» является неточным и требует более четкого отграничения от «Организованной группы», так как в действующем УК РФ критерии данных форм соучастия очень схожи и присутствует большая вероятность ошибки при квалификации преступлений.

Во-первых, непонятно, по каким причинам законодатель дает двойное наименование – «преступное сообщество» и «преступная организация». В постановлении Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. № 12 о судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней), в п. 3 говорится, что «закон не устанавливает

каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация» [2]. Тогда с чем связана необходимость введения двойного наименования? Нормы права должны отвечать таким критериям как краткость и емкость при этом всесторонне регулировать явление, поэтому в данном случае считаю, что это является нагромождением и вызывает некоторое замешательство. На основании вышесказанного предлагаю исключить понятие «Преступное сообщество». Понятие «Преступная организация» является более приемлемым в данном случае, так как именно организация отвечает таким критериям, указанным в п. 4 ст. 35 УК РФ как структурированность и наличие единого руководства.

Во-вторых, вызывает неясность в определении преступного сообщества (преступной организации) формулировка «структурированная организованная группа», вновь обратимся к уже указанному постановлению Пленума ВС РФ, которое говорит нам, что «Под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий». В итоге получаем ряд признаков: наличие подразделений, стабильность и согласованность. В данном случае видится проблема в том, что организованные группы также имеют свою структуру, и эти структуры также могут быть достаточно сложными. Только по этому критерию сложности структуры преступной группы невозможно однозначно судить о том, что перед нами организованная группа или уже более опасное преступное формирование - преступное сообщество (преступная организация). Что же касается «стабильности» и «согласованности», то следует вернуться к понятию организованной группы для определения которой используется такая категория как «устойчивость», таким образом снова становится невозможным проведение ограничения по данным признакам, так как эти слова являются синонимичными, а разъяснений на этот счет в Пленуме ВС РФ не содержится.

В-третьих, необходимо указать на следующую неточность, а именно: «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп...», то есть если преступное сообщество (преступная организация) включается в себя одну организованную группу, то необходим такой признак как структурированность, напротив если в преступное сообщество (преступную организацию) входит две или более организованных групп, то признак структурированности становится необязательным. Хотя этот казус и не имеет первостепенного значения, однако этот момент тоже нуждается в проработке со стороны законодателя.

В-четвертых, следующим признаком, с помощью которого законодатель ограничивает организованную группу от преступного сообщества (преступной организации), является наличие единого руководства в последнем. Эта позиция является спорной, по причине того, что в организованной группе, также существует руководитель (организатор), который координирует действия участников группы, в связи с этим указанный критерий представляется неверным. Более точным будет замена понятия наличие единого руководства на наличие аппарата управления. Аппарат управления более сложное явление, которое функционально невозможно в организованной группе, однако имеет место быть в преступном сообществе (преступной организации) [3, с. 6].

В-пятых, законодатель говорит получении прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды преступным сообществом (преступной организацией), указанный признак автором статьи подвергается сомнению, так как корыстный мотив не содержат некоторые составы преступлений совершенные преступным сообществом (преступной организацией), примером могут послужить преступления экстремистской направленности. При совершении преступлений данного рода

извлечение финансовой выгоды не имеет значения, таким образом, неизменно возникнут проблемы при квалификации.

В-шестых, необходимо отметить, что в превентивных целях законодателю не следовало ограничивать понятие преступного сообщества (преступной организации) формулировкой «... для совершения тяжких и особо тяжких преступлений», так как совершение преступлений иных категорий тоже возможно в составе указанного соучастия, однако привлечение к ответственности становится невозможным, при этом укрепление и рост преступного сообщества (преступной организации) продолжится, что неизменно приведет к совершению уже более опасных преступлений [4, с. 19].

Подводя итог необходимо сказать, что определение критериев преступного сообщества действительно вызывает сложности. По данному вопросу позиции часто расходятся кардинально. Но бесспорен факт, что точное понимание самого термина и критериев преступного сообщества имеет теоретическое и практическое значение. К сожалению, действующее уголовное законодательство не решает все эти вопросы. Поэтому, необходимо найти подходящее понятие преступного сообщества и точно определить его критерии.

Что касается авторской позиции по этому вопросу, то предлагается следующее вычленение основных свойств преступных сообществ, а именно: профессионализм; значительное число лиц, входящих в преступное сообщество (преступную организацию), — от 15 человек; функциональная и иерархическая структура; наличие межрегиональных, возможно зарубежных связей; коррумпированность.

Важно указать, что названные критерии больше определяют криминологическую характеристику преступного сообщества и в уголовном законодательстве они не используются. Однако, их отражение наряду с уголовно-правовыми признаками в правовых актах резонно. Остается неясным, как быть в случаях, когда установление всех признаков не будет представляться возможным. К примеру, имеет ли место преступное сообщество при отсутствии межрегиональных связей? Возможно ли преступное сообщество численностью 14 человек? Стоит заметить, что в утратившем силу Постановлении Пленума ВС РФ от 10.06.2008 говорилось об этом и указывалось на сочетание в различной совокупности таких признаков.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. М., 2017.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».
3. *Быков В.* Признаки организованной группы в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право, 2001. № 3. С. 6 – 8.
4. *Быков В.* Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность, 2010. № 2. С. 18 - 21.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Васько А.А.

*Васько Анна Александровна – магистрант,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный университет правосудия, г. Нижний Новгород*

Аннотация: в статье анализируются количественные показатели экономической преступности в Российской Федерации. Также определяется уровень экономической преступности на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: экономическая преступность, характер экономических преступлений, количественные показатели, уровень раскрываемости.

Активное развитие в государстве экономического сектора требует усиления охраны собственности как основы благосостояния личности, общества и государства посредством изменения уголовного законодательства. Обоснованной признается позиция кандидата юридических наук, доцента ФГКУ «ВНИИ МВД России» А.М. Гармаш, согласно которой «уголовное право, как один из механизмов воздействия на общественные отношения, и способ реализации политики государства в области экономики, должно содержать четкие параметры такого вмешательства в вопросы формирования и функционирования рынка. Кроме того, запрещение уголовным законом определенных деяний должно создавать условия не только для контроля ситуации, но и для оказания помощи добросовестным участникам предпринимательской деятельности путем воздействия на недобросовестных» [1].

Уголовная ответственность за экономические преступления в Российской Федерации предусмотрена разделом VIII УК РФ, который отличается от других разделов Кодекса большим количеством разнообразных по родовым и видовым объектам составов преступлений.

Анализ современного состояния экономической преступности в Российской Федерации крайне важен в целях определения причин её возникновения и выработки в дальнейшем способов и мер предупреждения совершения преступлений данной категории.

Согласно данным официальной статистики экономические преступления в России занимают второе место (после преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков) по распространенности (по состоянию на 2017 год).

Кандидат юридических наук, доцент Академии управления МВД Т.В. Попова справедливо отмечает, что «объективной тенденцией всех современных цивилизованных стран мира является рост преступности в экономической сфере» [2]. При этом стоит отметить, что Россия занимает четвертое место в мире по количеству преступлений против собственности после Мексики, США, Великобритании.

«Более того, многие криминологи утверждают, что экономическая преступность будет расти еще более высокими темпами, чем до сих пор, обгоняя в этом многие другие виды преступлений» [3].

Вместе с тем рост экономической преступности всегда представляет собой угрозу национальной безопасности государства, в связи с чем требует немедленной реакции государства на криминогенную обстановку в стране.

В целях определения уровня экономической преступности в стране обратимся к количественным показателям.

По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 11 месяцев 2017 года по России снизилось число выявленных преступлений экономической направленности на 3,34% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Всего зарегистрировано 102415 преступлений (для сравнения: в аналогичном периоде прошлого года – 108754 преступления, в 2015 году – 112445 преступлений) [4]. Учитывая высокую латентность таких преступлений, указанные статистические данные необходимо оценивать критически.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в ряде регионов идет значительный всплеск преступлений в сфере экономики. Так, например, в г. Севастополе количество зарегистрированных преступлений экономической направленности увеличилось на 71%, в Республики Крым - на 56%, в Псковской области – на 33%.

Данные показатели обусловлены сложным экономическим положением населения, неоправданными их ожиданиями, в том числе в области социальной политики, увеличением уровня безработицы на 5,5% [5].

Лидирующим субъектом Российской Федерации по количеству преступлений в сфере экономики на протяжении трех лет подряд остается г. Москва, далее идет Краснодарский край.

Что касается характера самих экономических преступлений, то наиболее распространенными из них являются хищения чужого имущества, совершенных путем краж, грабежей и разбоев, а также мошенничество.

Обращает на себя внимание снижение уровня раскрываемости преступлений данной категории в первом полугодии 2017 года на 2,52% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что обусловлено сложностью данной категории дел.

Данные показатели свидетельствуют о качественном изменении преступности в данной сфере, усложнении схем хищения, в связи с чем возникает необходимость в научной выработке рекомендаций, направленных на повышение эффективности соответствующей превентивной деятельности, в том числе на придание ей системного характера.

Как обоснованно отмечает доктор юридических наук, профессор ВНИИ МВД России В.Д. Ларичев «предупреждение таких преступлений должно строиться с учетом общих принципов и устоявшегося содержания такой деятельности и одновременно учитывать особенности рассматриваемых уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершающих, современное состояние законодательства и правоохранительной деятельности в данной области» [6].

Наиболее перспективным является направление выработки в порядке межведомственного взаимодействия всех правоохранительных органов, специальной программы по профилактики экономических преступлений. Причем построение данной программы должно исходить из сведений о характеристике лиц, склонных к совершению преступлений, так называемого социального портрета преступника, который составляется по результатам обобщения характеристики лиц, виновных в совершении преступлений в сфере экономики.

Список литературы

1. *Гармаш А.М.* Реформирование 22 главы уголовного кодекса РФ как один из путей предупреждения преступности в предпринимательской деятельности // Общество и право. [Электронный ресурс], 2012. № 3 (40). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-22-glavy-ugolovnogo-kodeksa-rf-kak-odin-iz-putey-preduprezhdeniya-prestupnosti-v-predprinimatelskoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 19.01.2018).

2. *Килясханов Х.Ш., Попова Т.В.* Совершенствование управления органами внутренних дел в сфере предупреждения экономических преступлений в контексте экономической безопасности региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. [Электронный ресурс], 2015. № 7. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-upravleniya-organami-vnutrennih-del-v-sfere-preduprezhdeniya-ekonomicheskikh-prestupleniy-v-kontekste/> (дата обращения: 19.01.2018).
3. *Ларичев В.Д., Казаков А.Я.* О концепции предупреждения экономических преступлений против собственности // Вестник ВИ МВД России. [Электронный ресурс], 2014. № 4. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-preduprezhdeniya-ekonomicheskikh-prestupleniy-protiv-sobstvennosti> (дата обращения: 19.01.2018).
4. *Номоконов В.А.* Российская преступность в условиях глобализации. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 48.
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 19.01.2018).
6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#/ (дата обращения: 19.01.2018).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОСОБЕННОСТЬ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ковальчук В.В.

Ковальчук Виктория Валерьевна – студент,

направление: юрист в судопроизводстве,

юридический факультет,

Институт государства и права

Тюменский государственный университет, г. Тюмень.

Аннотация: в статье прослеживаются особенности, присущие институту примирения в уголовном процессе. Изложение материала основано на оценке примирения потерпевшего и обвиняемого как медиационной модели. Проведенный анализ позволил определить перспективные направления ее совершенствования в части расширения гарантий прав участников примирения.

Ключевые слова: институт примирения, примирение сторон, способ урегулирования уголовно-правового конфликта, уголовно-процессуальное законодательство.

Российская уголовная и уголовно-процессуальная политика ориентирована на максимально полную защиту прав личности, что в свою очередь актуализируется потребностью в поиске альтернативных механизмов разрешения криминального конфликта. В связи с этим институт медиации представляет большой научный и практический интерес. В рамках федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», указано внедрение примирительных процедур, внесудебных и досудебных способов урегулирования споров, также вытекающих из административных правоотношений, что в свою очередь будет способствовать снижению нагрузки на судей и экономии бюджетных ресурсов и повышению качества осуществления правосудия [5].

Точного определения понятия примирения в уголовно-процессуальном законодательстве не содержится, но имеется статья 25 УПК РФ [2]. В соответствии с данной статьей суд, а также следователь, с согласия прокурора, вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Из содержания данной статьи также можно выделить признаки, характеризующие институт примирения:

- как способ урегулирования уголовно-правового конфликта;
- участие только потерпевшего и лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, а также впервые совершившего преступление ст. 76 УК РФ;
- итогом примирения является заявление уголовного дела.

Институт примирения регулирует количество правовые отношения.

Следует отметить, что согласно ст. 25 УПК РФ за судом, следователем или дознавателем остается право, а не обязанность прекращения уголовного дела в связи с применением.

Таким образом, в связи с тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве не содержится указаний на то, с чьей помощью потерпевший и подсудимый осуществляет примирение, можно дополнить главу 8 УПК РФ еще одним иным лицом - медиатором (посредником), либо примирителем, наделив его соответствующими правами и обязанностями, соблюдая при этом принципы добровольности, беспристрастности, уважения сторон и их интересов.

Одним из признаков института примирения является признак добровольности. Данный признак заключается в том, что только от волеизъявления сторон зависит окончательное решение по делу, никто не вправе навязывать им свое мнение и понуждать к участию в данных процедурах [6].

Заключительный признак института примирения - итоговое решение. Для института примирения это - письменное заявление потерпевшего, которое влечет за собой возможность прекращения уголовного дела, а вместе с ним и разрешение уголовно-правового конфликта [4].

Развитие института примирения, с учетом положений о медиативных способах разрешения спора, устранил существенные изъяны и пробелы в уголовно-процессуальных нормах, регулирующих процесс примирения, что в свою очередь облегчит работу следователям, дознавателям и судьям [3]. Это является действенным способом для оптимизации судебной нагрузки в результате уменьшения дел в судах и что, в свою очередь, позволит повысить качество правосудия и обеспечит надежность гарантии прав граждан на судебную защиту.

Возможность развития и совершенствования примирения тесно связана с повышением общего уровня правосознания и юридической культуры участников общественных отношений. Одна из важнейших функций примирения - воспитательная, при этом знания о примирении следует активнее использовать в образовательном процессе, чтобы привить будущим юристам навыки примирительной деятельности, а также разрушить стереотипы приоритетного обращения в государственные юрисдикционные органы [3].

Также особенность заключается в том, что примирение это комплексный межотраслевой правовой институт, необходимый для нормального функционирования общества, предполагающий теоретический подход в его системном изучении. Основное нормативное значение примирения выражается в его стабилизирующем и упорядочивающем влиянии на законопослушное поведение участников общественных отношений.

Таким образом, целесообразно создать систему специального обучения медиаторов, проводить учебные курсы повышения квалификации, информировать общественность о преимуществах мирного урегулирования споров и возможностях использования тех или иных альтернативных методов разрешения споров. Вследствие чего, институт примирения станет надежной защитой прав участников уголовного судопроизводства, эффективным институтом разрешения конфликта.

Список литературы

1. *Арутюнян А.А.* Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 200.
2. *Воскобитова Л.А.* Доктринальный проект Модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения» // Мировой судья, 2007. № 1. С. 6-14.
3. *Власенко Н.А., Чернышова Т.В.* Примирение и право // Журнал российского права, 2012. № 7. С. 91-106.
4. *Воскобитова Л.А.* Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России / Л.А. Вакобитова // Мировой судья, 2007. № 1. С. 8-11.

5. *Гущева Ю.В.* Примирительная процедура в праве (доктрина, практика, техника): монография / под науч. ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013. С. 289.
6. Постановление правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы».
7. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС КонсультантПлюс // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 12.02.2018).
8. *Фоницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т.1 / Под ред. А.В. Смирнова СПб.: Альфа, 1996. С. 607.

ЗНАЧЕНИЕ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Владимиров В.А.

*Владимиров Владислав Александрович – студент,
кафедра уголовного права, юридический факультет,
Дальневосточный филиал*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования Российский государственный университет правосудия,
г. Хабаровск*

Аннотация: в статье анализируются вопросы, касающиеся данных Конституцией РФ гарантий гражданам предоставления квалифицированной юридической помощи посредством института адвокатуры, деятельность которой регулируется Конституцией Российской Федерации и документами федерального законодательства (Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и др.), в том числе и кодифицированного.

Рассмотрены аспекты деятельности адвоката в отношении подследственного, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, а также функции защиты, характерные для уголовного процесса и представительства в уголовном процессе.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, уголовное судопроизводство, статус адвоката, права и интересы сторон и участников процесса, защита, представительство и консультирование.

Благодаря тому, что Конституцией РФ (ст. 48) государство было признано гарантом предоставления каждому россиянину права получить квалифицированную юридическую помощь, значительно преобразовались роль и полномочия адвоката в уголовном судопроизводстве.

Масштабы последовавших за этим преобразований в отечественном праве и до сих пор не охваченная многоаспектность этой конституционной гарантии не позволили даже по прошествии более 20 лет с принятия Конституции РФ привести в соответствие с ней УПК РФ и иное уголовно-процессуальное законодательство.

Правовое обеспечение адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве наряду с УПК РФ осуществляется посредством специального нормативного акта, регламентирующего статус адвоката, - ФЗ РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Как следует из ч. 1 ст. 1 этого Закона, к адвокатской деятельности принято относить квалифицированную юридическую помощь, предоставляемую профессионально подготовленными лицами со статусом адвоката, что перекликается

с положениями ст. 48 Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, в которых закреплена зависимость содержания статуса адвоката как доверенного лица от статуса его доверителя.

Комплексный, системный взгляд на значение адвоката в уголовном процессе возможен только посредством обобщенного анализа правовых положений, содержащихся одновременно во всех вышеупомянутых источниках.

П. 5 ч. 2 ст. 2 Закона об адвокатуре наделяет правами адвоката предоставлять юридическую помощь по уголовным делам в качестве представителя и защитника, которые как понятия могут быть объединены одним собирательным термином «доверитель». Это не способствует однозначному пониманию специфики тех ситуаций, в каких адвокату приходится выступать представителем, а в каких – защитником. Более точно между этими понятиями проводится граница в УПК РФ.

Базовая категория права в адвокатской деятельности – «защита», используемая в кругу теоретиков права и нормативно-правовых актах в широком – общеправовом и узком – отраслевом значениях.

Общеправовой смысл проявляется в отстаивании прав, свобод и интересов любых лиц по поводу любого случая правоприменения и отражен в ст. 45 Конституции РФ, закрепившей государственные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ и возможность каждому «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

В ряде документов в качестве одной из основных поставлена задача защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц в ходе судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ; ст. 3 Кодекса административного производства РФ), ч. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ» ст. 6 УПК РФ). Вся уголовно-процессуальная деятельность преследует цель защиты всех вовлеченных в судопроизводство лиц, а адвокат в таких случаях выступает в качестве защитника своего доверителя, которым может оказаться обвиняемый, потерпевший, свидетель и т.д. Да и в обыденном сознании адвокат ассоциируется с защитником чьих-либо интересов.

Применительно к уголовному процессу понятие «защита» суживается, ограничиваясь непосредственной работой с клиентом – лицом, претерпевающим уголовное преследование (подозреваемым, обвиняемым) и представляя в виде функции обвинения, защиты и разрешения дела (ст. 15 УПК РФ).

Как следует из ст. 5 УПК РФ к участвующим в процессе сторонам относятся лица, которые, исходя из принципов состязательности, реализуют функции обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения. Именно в таком значении и трактует УПК РФ термин «защита», называя управомоченное защищаться лицо подозреваемым, обвиняемым (ст. 16, 46, 47 УПК РФ) а защитником именуя «лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу» (ч. 1 ст. 49 УПК РФ).

УПК РФ предусмотрено несколько случаев обязательного участия защитников: при оказании помощи подозреваемому, обвиняемому (ст. 51 УПК РФ) на стадии следствия и подсудимому – уже в суде (ст. 248 УПК РФ) и т.д.

В литературе и нормативно-правовых документах функцию защиты противопоставляют функции обвинения (уголовного преследования), которой принято считать такую процессуальную деятельность стороны обвинения, которая направлена на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Дефиницию защиты, отсутствующую в УПК РФ, можно вывести, сопоставив ее с дефиницией уголовного преследования как деятельность в рамках уголовного процесса клиента и его адвоката, направленную на опровержение подозрения или обвинения либо смягчение уголовной ответственности уголовно преследуемого лица.

Таким образом, деятельность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве сводится к оказанию квалифицированной юридической помощи своему поручителю, являющемуся в этом судопроизводстве подозреваемым, обвиняемым или подсудимым.

Но вопреки такой вполне обоснованной трактовке среди исследователей и преимущественно теоретиков права распространена расширенная трактовка понятия «защита» применительно к уголовному судопроизводству.

По мнению И.А. Насоновой, задачей защиты в уголовном судопроизводстве является деятельность по отстаиванию прав, свобод и законных интересов участвующих в уголовно-процессуальной деятельности и иных заинтересованных лиц [1, с. 167].

В трудах В.А. Лазаревой, В.В., Иванова и А.К. Утарбаева неоднократно упоминаются «защита прав потерпевшего» и «защита интересов потерпевшего» [2, с. 84-85].

Очевидно, что к описанным ситуациям законодателем (в ст. 6 УПК РФ), и учеными термин «защита» используется в расширенном понимании, что вполне допустимо для конституционного, гражданского и административного судопроизводства, не использующих этот термин в узком смысле. Поэтому осуществляющий защиту субъект именуется независимо от статуса доверителя не защитником или адвокатом, а представителем.

В рамках уголовного судопроизводства конкуренция широкого и узкого значения термина приводит к путанице при выявлении действительного смысла важнейших аспектов уголовно-процессуальной деятельности, при том что толкование в праве не может быть неоднозначным, и уже тем более, многозначительным.

Неслучайно к основным признакам термина относят конкретизированную сферу его применения, точную однозначную формулировку отображаемых в словах объектов действительности и однозначный смысл при его толковании независимо от контекста [3, с. 60].

Поскольку в уголовном процессе защита противостоит уголовному преследованию, и функцию по ее осуществлению в интересах подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) выполняет защитник, иные способы отстаивания прав и интересов прочих лиц нельзя считать защитой, а наряду с защитой в праве сформировалось понятие «представительство», имеющее собственное содержание.

Осуществляемое адвокатом представительство, так называемое договорное, согласно УПК РФ, применимо только по отношению к потерпевшему, гражданским истцу и ответчику, а также к частному обвинителю (п. 8 ч. 2 ст. 42, ст. 43, п. 8 ч. 4 ст. 44, ст. 45, п. 6 ч. 2 ст. 54 и ст. 55). Для каждого из этих вышеупомянутых и представляемых адвокатом субъектов, включая и преследуемое лицо, сформирована объединяющая их группа участников, разбитая на противоположные стороны в зависимости от их процессуальных интересов.

Было бы логично, исходя из общности субъектов, разделить на понятийном уровне защиту и представительство. Есть мнение, что в уголовном судопроизводстве в отличие от гражданского, представителю потерпевшего приходится защищать его интересы, а не просто представлять, и значит точнее будет назвать этого субъекта защитником [4, с. 84].

С другой стороны, статус адвоката-защитника предполагает активную представительскую деятельность от имени и в интересах уголовно преследуемого доверителя (подозреваемого, обвиняемого и осужденного) в уголовном процессе» [5, с. 179].

В уголовном процессе проводится принципиальное поступательное противопоставление защиты и представительства, а их разграничение составляет фундамент уголовного судопроизводства. И если функция представительства терминологически ближе к гражданскому процессу, то функция защиты привычно относится к числу уголовно-процессуальных, на основе которых выстраиваются тип и форма уголовного судопроизводства.

Исходя из того, что каждому субъекту уголовно-процессуальной деятельности отводится персональная функция, образуется «треугольник» участников производства (обвинение, защита, суд), что обеспечивает состязательность. Узурпация правоприменителем чужих функций ведет к становлению несостязательного (розыскного, инквизиционного) уголовного процесса.

Защита предстает как системообразующий элемент уголовного судопроизводства, олицетворяющий сущность этой юридической деятельности, чего нельзя сказать о представительстве. Выявлено несколько различающих упомянутые процессуальные элементы характеризующих признаков:

- защитой пользуется уголовно преследуемое лицо, а представление предусмотрено в отношении потерпевших, гражданских истцов и ответчиков, частных обвинителей;

- представительство осуществляется в отношении обеих сторон уголовно-процессуальной деятельности – обвинения и защиты;

- в качестве защитников выступают только адвокаты (за исключением производства у мирового судьи), а в качестве представителей допускаются также и иные лица (ст. 49, 45, 55 УПК РФ);

- представитель в процессе полностью заменяет представляемого им доверителя (ч. 1 ст. 249, ч. 1 ст. 250 УПК РФ), а защитник и его подзащитный действуют совместно (ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ).

Таким образом, уголовно-процессуальные термины «защита» и «представительство» не используются как тождественные, толкуются в предписанном УПК РФ значении.

Сохранившаяся возможность трактовать защиту одновременно в широком и узком смыслах, а также отождествлять ее с представительством, приводят к тому, что смешиваются трактовки таких аспектов уголовного судопроизводства, как место и роль адвоката-защитника и адвоката-представителя.

В соответствии с нормами Закона об адвокатуре о статусах защитника и представителя, которыми может воспользоваться адвокат в уголовном процессе (п. 5 ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 6), любую квалифицированную юридическую деятельность адвоката помимо осуществляемой в интересах уголовно преследуемого лица следует считать представительством, и третьего не дано, что противоречит ограничению круга представляемых лиц четырьмя ранее упоминавшимися участниками уголовно-процессуальной деятельности [6, с. 27].

Поскольку каждый вправе воспользоваться конституционным правом на получение адвокатской помощи, помимо тех, кто отстаивает свои интересы посредством защиты и представительства, вправе привлекать адвоката также свидетели (п. 6 ч. 4 ст. 56), участники процесса на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144), лица, в помещениях которых происходит обыск (ч. 11 ст. 182), и др.

Это заставляет поднимать на уровне теории уголовного процесса вопрос о статусе адвоката, который вправе оказывать юридическую помощь указанным участникам судопроизводства. Так, распространено мнение, что адвокат свидетеля по своему статусу является представителем. А так, как уголовно-процессуальный институт представительства связан только с потерпевшим, гражданскими истцом и ответчиком, а также частным обвинителем, то и адвокатскую помощь свидетелю не следует считать представительством.

Наряду с защитой и представительством проявляется в уголовном процессе третья форма квалифицированной юридической помощи, которую следовало бы называть консультированием, а адвоката, осуществляющего его в интересах свидетеля и тех, кто не относится к сторонам обвинения и защиты, консультантом [7, с. 9-13].

Выделение трех статусов производится не только на уровне разграничения терминов, но и затрагивает разграничение круга находящихся в распоряжении

адвоката правомочий в зависимости от сложившейся ситуации и его процессуального положения.

С точки зрения УПК РФ, адвокат, выступающий в качестве защитника, будет вправе распоряжаться равными с представителем доверителя полномочиями (ч. 3 ст. 45, ч. 2 ст. 55 УПК РФ), но в меньшем, чем у защитника, объеме, а в качестве консультанта будет правомочен воспользоваться лишь тремя правами, предоставляемыми в ч. 2 ст. 53 УПК РФ.

В то же время, в рамках такого подхода не отражается действительный правовой статус адвоката в уголовном процессе, поскольку кроме УПК РФ правомочия адвоката также следуют из ФЗ РФ «Об адвокатуре», обладающего по сравнению с кодексом меньшей юридической силой. Прописанные в ч. 3 ст. 6 Закона правомочия адвоката можно группировать следующим образом:

1. Право собирать сведения и представлять их в интересах доверителя посредством истребования предметов и документов, опроса конкретных участников процесса и привлечения специалиста.

2. Право осуществлять деловые встречи с доверителем беспрепятственно и конфиденциально, без ограничения количества и продолжительности.

3. Право фиксировать и собирать материалы дела (ксерокопировать и т.п.), в отношении которых адвокату был предоставлен доступ согласно законодательству на конкретной стадии процессуальной деятельности.

4. Право совершать иные действия в интересах доверителя, не противоречащие законодательству РФ.

Вышеупомянутые правомочия принадлежат всем адвокатам в силу их профессиональной принадлежности, что позволяет считать их общеадвокатскими.

При необходимости адвокаты вправе пользоваться ими для оказания квалифицированной юридической помощи независимо от сферы своей деятельности, своих статусов и статусов своих доверителей.

УПК РФ предоставляет полный комплекс общеадвокатских правомочий только защитнику (ст. 53, 86), но не доверенным лицам, представляющим интересы тех, кто вправе воспользоваться помощью представителей (потерпевших, гражданских истцов и ответчиков, частных обвинителей), даже если такими доверенными лицами окажутся правомочные по ФЗ РФ «Об адвокатуре» адвокаты.

Ограниченными возможностями наделяются и могут воспользоваться как иные участники, не являющиеся сторонами процесса, так и адвокаты-консультанты свидетелей ввиду отсутствия какого-либо упоминания об их общеадвокатских правах и обязанностях в УПК РФ.

Как уже отмечалось, такая ситуация стала результатом несогласованности УПК РФ и Закона об адвокатуре, что, впрочем, не препятствует как-либо адвокату в полноценном использовании своими полномочиями для оказания доверителю квалифицированной юридической помощи.

В этой связи, несмотря на то, что суды по аналогии наделяют адвоката-консультанта правами адвоката-представителя, сводя их к перечисленным в УПК РФ, адвокат должен знать, какие возможности ему доступны и какими механизмами их реализации он вправе воспользоваться в своей деятельности.

Конституцией РФ гарантируется каждому ее гражданину предоставление квалифицированной юридической помощи посредством института адвокатуры, деятельность которой помимо Конституции регулируется документами федерального законодательства (ФЗ РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и др.), в том числе и кодифицированного (УПК РФ, ГПК РФ и др.).

Применительно к уголовному судопроизводству адвокат оказывает в отношении своего доверителя (подследственного, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего) функции защиты (характерной для уголовного процесса) и представительства (присущей скорее гражданскому судопроизводству) его/ее прав и интересов,

которые, по мнению законодателей, правоприменителей и прочих специалистов, не являются тождественными.

Очевидно, что противопоставление этих терминов и путаница при оперировании ими приводят к затруднениям при выявлении действительного смысла важнейших аспектов уголовно-процессуальной деятельности.

В этой связи, в последнее время все чаще квалифицированная юридическая помощь в интересах иных участников процесса, кроме сторон защиты и обвинения, осуществляется посредством консультирования, деятельность исполнителей которой (консультантов) должна подлежать соответствующему нормативно-правовому регулированию.

Список литературы

1. Насонова И.А. Уголовно-процессуальное понятие защиты // Пробелы в российском законодательстве, 2015. № 3. С. 167.
2. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: Учеб. пособие для магистров. М., 2017. С. 84-85.
3. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 60.
4. Леви А.А., Игнатьева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 84.
5. Власов А.А. Судебная адвокатура: Учеб. пособие для магистров / Под общей ред. Г.Б. Мирзоева. М.: Юрайт, 2015. С. 179.
6. Мельников С.А. Представительство в современном российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2016. С. 27.
7. Давлетов А.А. Третий статус адвоката в уголовном процессе // Адвокатская практика, 2015. № 4. С. 9-13.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

Кононюк Н.С.

*Кононюк Наталья Сергеевна – студент,
кафедра уголовного процесса, криминалистики и основ судебных экспертиз,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск*

Аннотация: гражданский иск - это требование физического или юридического лица о возмещении имущественного ущерба и морального вреда, причиненного преступлением, к обвиняемому или лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого, заявленное при производстве по уголовному делу. В статье анализируется предъявление лицом в рамках уголовного дела гражданского иска о возмещении имущественного или компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: гражданский иск, прокурор, исковое заявление, истец.

Гражданский иск - это требование физического или юридического лица о возмещении имущественного ущерба и морального вреда, причиненного преступлением, к обвиняемому или лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого, заявленное при производстве по уголовному делу.

Предъявление лицом в рамках уголовного дела гражданского иска о возмещении имущественного или компенсации морального вреда, причиненного преступлением, осуществляется в уголовно-процессуальной форме, которая существенно отличается от формы предъявления гражданского иска, предусмотренной гражданским процессуальным законодательством.

Гражданский иск может быть предъявлен только после возбуждения уголовного дела (вынесения соответствующего постановления) и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного дела в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ). В этих положениях, безусловно, есть своя процессуальная логика. Акцессорная природа гражданского иска по отношению к уголовному делу делает невозможным предъявление иска до возбуждения уголовного дела, поскольку без уголовного дела «соединенный процесс» существовать не может – для того, чтобы «присоединить» гражданский иск к уголовному делу требуется сначала решить вопрос о возбуждении последнего [6, 121]. Что касается ограничения предъявления гражданского иска в уголовном процессе моментом «окончания судебного следствия», исключающего возможность предъявления иска позднее, скажем, в ходе судебных прений или при удалении суда в совещательную комнату для постановления приговора, то оно объясняется доказательственными правилами. Судебное следствие – это единственный этап судебного разбирательства, где происходит уголовно-процессуальное доказывание, необходимое, в том числе для исследования вопросов, касающихся гражданского иска. Если допустить предъявление гражданского иска уже после окончания судебного следствия, то это поставит суд в положение, когда он вынужден будет разрешать гражданский иск без исследования соответствующих доказательств, что просто-напросто невозможно. Неоправданным ограничением имущественных прав лица, понесшего вред от преступления, является и запрет предъявлять гражданский иск после начала судебного следствия, как это имело место по УПК РСФСР 1960 г. (ст. 29), или даже уже после окончания предварительного расследования, что предусматривал действующий УПК РФ до принятия Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ. Нынешний вариант, допускающий предъявление гражданского иска до окончания судебного следствия, выглядит наиболее сбалансированным. В то же время лицо, по каким-то причинам вовремя не предъявившее гражданский иск в уголовном процессе, вправе отстаивать свои права в порядке гражданского судопроизводства.

Если по каким-то причинам право на предъявление гражданского иска не было разъяснено потерпевшему, он может самостоятельно ходатайствовать о своем признании гражданским истцом перед дознавателем, следователем или судьей (судом). Выраженное в ходатайстве волеизъявление при наличии оснований иска, подтверждаемых материалами уголовного дела, также обязывает ведущее производство по делу лицо вынести указанное постановление, что опять-таки означает предъявление гражданского иска [4, 57].

Встречается особая ситуация, когда по определенным причинам физическое лицо не в состоянии распорядиться своими процессуальными правами (несовершеннолетние, недееспособные или ограниченно дееспособные лица; лица, которые в силу иных обстоятельств не способны защищать собственные интересы. Например, в силу телесных повреждений, полученных потерпевшим, который находится на излечении в больнице. Возможны и иные случаи подобного рода, ведь речь идет о вреде, причиненном преступлением (в том числе насильственным). Гражданский иск в таком случае должен быть предъявлен законными представителями или прокурором, которые рассматриваются в качестве так называемых «процессуальных истцов», т.е. истцов, имеющих исключительно процессуальные права. Обладателями гражданских прав в материально-правовом смысле («истцами в материальном аспекте») остаются

физические лица, от имени и в интересах которых действуют законные представители или прокурор. Впрочем, предъявление гражданского иска законным представителем и прокурором происходит в разной процессуальной форме. Если от имени «истца в материально-правовом смысле» (несовершеннолетнего, недееспособного и т.п.) действует законный представитель, то иск предъявляется в общем порядке, т.е. законный представитель заявляет соответствующее ходатайство после разъяснения ему права на предъявление иска или по собственной инициативе, после чего дознаватель, следователь или судья (суд) выносит постановление о признании гражданским истцом лица, в интересах которого действует законный представитель. Если же от имени такого лица действует прокурор, то он обязан составить соответствующее исковое заявление.

В отличие от общего порядка предъявления гражданского иска здесь при составлении искового заявления вполне допустимо использование прокурором по аналогии ст. 131 ГПК РФ, хотя уголовно-процессуальный закон нигде не содержит специальных требований к форме искового заявления, составляемого прокурором [5, 69]. Направление прокурором искового заявления вместе с уголовным делом в суд означает предъявление гражданского иска. Кроме того, по смыслу ч. 6 ст. 246 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен прокурором непосредственно в судебных стадиях уголовного процесса: в ходе подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства (до окончания судебного следствия). При этом вынесения затем судом специального решения о признании лица, в интересах которого действует прокурор, гражданским истцом не требуется, поскольку исковое заявление прокурора представляет собой не «ходатайство», подлежащее удовлетворению или отклонению в форме специального постановления, а требование, которое суд обязан рассмотреть по существу.

Истцом в уголовном процессе может быть и государство, если имущественный вред преступлением причинен именно ему [3, 44]. Иск от имени государства предъявляет и поддерживает прокурор. В такой ситуации в уголовном процессе не появляется специальной фигуры «гражданского истца», поскольку именно в лице прокурора персонифицируется защита государственных (публично-правовых) интересов. Следовательно, здесь тем более нет никакой необходимости выносить специальное процессуальное решение о признании государства гражданским истцом по уголовному делу, поскольку такое решение будет лишено малейшего процессуального смысла. Предъявление гражданского иска от имени государства осуществляется путем составления прокурором искового заявления на все том же этапе окончания предварительного расследования, утверждения обвинительного заключения: (акта) и направления уголовного дела в суд или в судебных стадиях уголовного процесса до окончания судебного следствия, что вытекает из систематического толкования ч. 3 ст. 44, ст. 220, ст. 222, ч. 6 ст. 246 УПК РФ.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017).
3. Батуев В.В. Обеспечение при расследовании преступления гражданского иска потерпевшего. М.: Академия, 2014. 44 с.
4. Вандышев В.В. Уголовный процесс: Конспект лекций. СПб.: Питер, 2012. 528 с.
5. Махов В.Н., Разумовский Д.Б. Гражданский иск в уголовном деле. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 136 с.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ НАЕЗДЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА НА ПЕШЕХОДА

Корелин Д.О.

*Корелин Дмитрий Олегович – студент,
группа БЮП-14-03м,
Институт права*

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток

Аннотация: в данной статье рассматривается одно из основных следственных действий, производимых при совершении наезда транспортного средства на пешехода. Выделяется проблема невозможности проведения следственного эксперимента до возбуждения уголовного дела. Предлагается решение данной проблемы в соответствии с УПК РФ.

Ключевые слова: наезд на пешехода, следственный эксперимент.

УДК 343.98

По данным статистики, в январе 2017 года на территории Приморского края зарегистрировано 159 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых пострадали люди. 43% случаев - это автомобильные аварии с участием пешеходов [1].

За наезд на пешехода с причинением тяжкого вреда здоровью или со смертельным исходом существует статья 264 УК РФ. Объективная сторона исследуемого нами преступления, заключающегося в нарушении специальных правил, обеспечивающих безопасное дорожное движение и эксплуатацию транспортных средств, представляет собой, помимо самого деяния так же такие обязательные признаки, как причинно-следственная связь и последствия, наступающие в результате совершения преступного деяния. Если наступили вышеупомянутые последствия, то на месте происшествия совместно с органами ДПС работает следственно-оперативная группа. Следователь первым делом производит осмотр места происшествия, который в соответствии с ч. 1 ст. 144 и ч. 2 ст. 176 УПК РФ является следственным действием, которое можно проводить на стадии доследственной проверки - до возбуждения уголовного дела [2, с. 111–113].

Сложный элементный состав и динамический характер механизма ДТП, связанного с причинением физического вреда либо смерти пешеходу, предопределяют тот факт, что многие его обстоятельства, влияющие на оценку действий водителя-участника происшествия, могут быть проверены либо уточнены лишь при помощи опытов в рамках следственного эксперимента. Данное следственное действие проводится, чтобы проверить и уточнить данные, которые имеют определенное значение для дела; проверить имеющиеся версии по делу; получить доказательства посредством проведения опытных действий (воспроизводится, реконструируется, моделируется ситуация ДТП в месте его совершения).

Исследование уголовных дел о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших тяжкие телесные повреждения либо смерть пешеходов, показало большую необходимость проведения следственного эксперимента для достижения целей доказывания при расследовании указанной категории преступлений [3].

Гарантией достоверности результатов проведенного следственного эксперимента является то, что он проведен в условиях, которые наиболее приближены к тем, в которых произошло ДТП. Такого эффекта можно достичь лишь непосредственно на месте происшествия сразу после его совершения или спустя короткий промежуток времени. Однако проводить следственный эксперимент, согласно УПК РФ, на стадии доследственной проверки не допускается.

Проблема необходимости производства следственного эксперимента до возбуждения уголовного дела о ДТП ранее затрагивалась на страницах диссертационных исследований С.В. Владимирова, А.И. Шведа [4, с. 83–84; 5, с. 65–66] и является актуальной в правоприменительной практике, так как спустя некоторый период времени воспроизвести условия произошедшего ДТП весьма проблематично [6, с. 286–287]. Это касается в первую очередь погодных условий, условий освещенности, состояния дорожного покрытия, использования при проведении эксперимента аналогичных транспортных средств и пр. Если следственный эксперимент будет проведен в условиях, которые отличны от условий, в которых произошло ДТП, то это повлечет признание судом в соответствии со ст. 75 УПК доказательства недопустимым, что подтверждается результатами судебной практики.

Примером тому могут служить материалы уголовного дела № 1-986/2014, в рамках которого был проведен следственный эксперимент от 15 февраля 2014 года, согласно которому водитель имел возможность обнаружить пешехода с определенного расстояния. Судом было установлено, что данный эксперимент проводился без учета дополнительной освещенности дороги встречным автомобилем. Следовательно, данные, полученные в ходе эксперимента, не соответствуют реальной картине происшествия и не могут быть приняты в качестве доказательства, а кроме того, эксперимент проведен во время, не соответствующее времени совершения ДТП [7].

По материалам уголовного дела № 1-926/2010 обвиняемый водитель заявил ходатайство о проведении следственного эксперимента на установлении возможности водителя видеть дорогу из салона автомобиля. Провести данный эксперимент не представилось возможным ввиду несоответствия погодных условий. Если бы данный эксперимент был проведен непосредственно после происшествия, это бы исключило затягивание сроков расследования по делу [8].

В связи с вышеизложенным можно прийти к выводу о необходимости внесения изменений и дополнений в часть 1 статьи 144 УПК РФ в части отнесения следственного эксперимента к числу следственных действий, проведение которых разрешено до возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Наезд на пешехода – самое распространенное ДТП в Приморском крае. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГИБДД МВД России. Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/news/25/2988165/> (дата обращения: 19.12.2017).
2. Татаров Л.А. Осмотр места ДТП: типичные ошибки // Теория и практика общественного развития, 2015. № 16.
3. Архив Уссурийского районного суда Приморского края за 2011–2014 г.
4. Владимиров С.В. Расследование наезда транспортного средства на пешехода: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.В. Владимиров. Владимир, 2011.
5. Швед А.И. Актуальные теоретические и практические аспекты стадии возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.И. Швед. Минск, 2005.

6. *Власова С.В.* Способы собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.
7. Материалы уголовного дела № 1-986/2014 // Архив Уссурийского районного суда Приморского края за 2014 г.
8. Материалы уголовного дела № 1-926/2010 // Архив Уссурийского районного суда Приморского края за 2010 г.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АКТУАЛЬНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОЕКТА АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РФ

Монашова К.Г.

*Монашова Кристина Георгиевна - магистрант,
кафедра уголовного процесса, юридический факультет,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар*

Аннотация: *эта статья посвящена актуальной в последние годы теме создания административных судов в нашей стране. С целью понять необходимость создания административной юстиции в РФ, обозначение предположительной структуры таких судов в нашей стране, какими они могут быть при их создании.*

Ключевые слова: *судебная реформа, судебная система РФ, совершенствование судов, административный суд, административная юстиция, административное судопроизводство, дела об административных правонарушениях.*

Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к деятельности судов. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, единство экономического и правового пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности. Судебная реформа как таковая - это качественные коренные преобразования всей судебной системы, направленные на утверждение принципов правосудия. Задача построения в России правового государства требует коренных изменений в сфере осуществления правосудия — превращения его в реально независимую и самостоятельную ветвь государственной власти, создания условий для осуществления судами независимой и эффективной деятельности по обеспечению защиты прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ и вытекающих из международных договоров РФ [1].

Немаловажным вопросом в ходе судебной реформы стало определение её целей и задач. Целями программы являются повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Основными задачами программы на период до 2020 года являются: обеспечение открытости и прозрачности правосудия, повышение доверия к правосудию, в том числе за счет повышения эффективности и качества рассмотрения дел, создание необходимых условий для осуществления правосудия, обеспечение его доступности, обеспечение независимости судей, повышение уровня исполнения судебных актов.

Интересной проблемой проводимой судебной реформы является так и не притворенный в жизнь проект создания административных судов в судебной системе РФ. Для подробного понимания данной темы необходимо обратиться к истории судов такого вида в России.

Вопрос о необходимости создания системы административных судов в Российской Федерации возник уже давно и по этому вопросу более 20 лет ведутся активные дискуссии среди многих ученых, юристов. Несколько раз делались попытки создать специализированные суды, которые бы решали дела об административных правонарушениях, но эти попытки оказались неудачными.

Необходимость создания вызывается, прежде всего, многочисленностью дел об административных правонарушениях, т.к. правонарушения в этой сфере во много раз превышают нарушения в гражданских или же уголовных отношениях. Многие административные дела остаются не рассмотренными, многие хранятся в «долгом ящике» и их рассмотрение длится годами, некоторые дела могут быть рассмотрены не корректно и т.п. Тем самым нарушаются конституционные права граждан, а также ограничивается доступность правосудия [2].

В настоящее время, по этому вопросу, современные ученые делятся на две группы. Первая группа соответственно считает необходимым создание административной юстиции, а вторая, наоборот придерживается мнения об отсутствии такой необходимости. Ученые первой группы считают, что «появление административных судов создаст дополнительные гарантии защиты прав и свобод граждан и повысит эффективность правосудия». А.И. Сапожников, сторонник первой группы, который придерживается мнения о необходимости создания административной юстиции, считает, что «введение административных судов является конституционным долгом законодателя. Создание органов административной юстиции не только осуществит закрепленные Конституцией положения, но и выведет Россию в этом вопросе на общеевропейский уровень» [3].

Однако, есть ученые, которые утверждают, что в этом плане необходима специализация судей, рассматривающих административные дела, а не судов, т.к. принимают решение именно судьи и эффективность их решения зависит от уровня их профессиональности. Такого мнения придерживаются сторонники второй группы.

Проблема заключается и в том, что все еще нет достаточной ясности в концепции административных судов, а существует лишь различные точки зрения ученых по этому вопросу. Для создания таких судов можно было бы взять за основу опыт разных стран, в которых уже с давних времен существует административная юстиция, специализированные административные суды. Германия, США, Италия, Китай, Швеция и другие страны сегодня имеют развитую административную юстицию [4]. Эти страны имеют многовековой опыт по осуществлению административного судопроизводства. Хотя судебная система в каждой стране и создается на основе своих специфических условий, по своим историческим традициям, все же опыт этих стран можно бы взять за основу создания административных судов в РФ.

Проанализировав системы судов такого вида других стран можно предложить общую структуру административных судов, с учетом федеративного устройства Российской Федерации. Данная структура во многом схожа с системой судов общей юрисдикции. Они могут быть трехзвенными.

Первое, и, по моему мнению, основное звено системы административных судов РФ может быть представлено Районными судами, которые будут рассматривать дела об административных правонарушениях в качестве судов первой инстанции.

Второе звено (среднее) будут образовывать высшие административные суды субъектов Российской Федерации (республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов). Они будут выступать в качестве судов первой инстанции, а также судов апелляционной инстанции по жалобам на решения, вынесенные районными административными судами. Кроме того, эти суды можно наделить и функциями кассационной инстанции.

Третье звено системы административных судов РФ представлено Высшим административным судом РФ, которое может быть общефедеральным судебным органом, действующим на всей территории РФ. Он будет рассматривать дела в качестве суда всех трех инстанций: первой инстанции, по некоторым особо важным делам, отнесенным к его компетенции; апелляционной и кассационной инстанции по жалобам на решения, вынесенные высшими административными судами субъектов РФ. Кроме того, к компетенции этого суда будет отнесена функция координации деятельности всех судов, входящих в систему административных судов РФ. В 2010 году Государственной

Думой Российской Федерации было принято решение о прекращении рассмотрения законопроекта «О федеральных административных судах», что, конечно, не мешает сегодняшним изысканиям в этой области, которые выявляют некоторые проблемы создания административных судов, к числу которых можно отнести:

1) нет полной ясности в самой концепции административной юстиции, есть только многообразие точек зрения ученых на эту проблему;

2) как это часто бывает, на создание административных судов, по информации Верховного Суда РФ, потребуется более 5 млрд рублей, ввиду чего данный шаг видится не слишком целесообразным в рамках данной экономической ситуации, но, по моему мнению, при необходимости может быть осуществлен;

3) принят Кодекс административного судопроизводства, что значительным образом улучшает ситуацию и повышает степень систематизации административного права, но остается до конца не разработанным и, по мнению некоторых ученых, неуместным и непрофильным [5].

Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, что на современном этапе необходимо начать скорейшую подготовку для создания административных судов, нынешняя экономическая и политическая ситуации, однако, делают трудным, но осуществимым, решение данного вопроса, особенно в связи с наличием Кодекса административного судопроизводства, что, наконец, дало импульс к созданию специализированных административных судов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12 января 1998 г. № 2. С.223.
2. Административные суды Российской Федерации: есть ли в них необходимость, и какими они должны быть? // Молодой ученый, 2016. № 15. С. 373-376.
3. Сапожников А.И. К вопросу о создании административной юстиции в Российской Федерации // Адвокатская практика, 2008. № 1. С. 42.
4. Хомяков Г.А. Административный суд в Российской Федерации, 2001. С. 162.
5. Чирнинов А.М. Некоторые проблемы создания административных судов в Российской Федерации // Политика, государство и право. № 5, 2012. С. 29.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Климова М.В.

*Климова Марина Владимировна – магистрант,
направление: правовая система России,
кафедра теории и истории государства и права,
Институт истории и права*

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Аннотация: в статье рассматриваются особенности обеспечения безопасности несовершеннолетних на объектах железнодорожного транспорта. Проводится анализ действующего законодательства и предложены меры по совершенствованию нормативно-правовой базы России в данной области.

Ключевые слова: безопасность, несовершеннолетние, железнодорожный транспорт, усовершенствование, регулирование.

УДК 34.4414

Одной из важнейших граней работы по защите жизни и здоровья несовершеннолетних детей является профилактика детского травматизма, в том числе на объектах железнодорожного транспорта.

Безопасность железнодорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации. Аварийность на железнодорожном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Гибнут или становятся инвалидами дети.

Ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают или получают ранения свыше 275 тыс. человек. Свыше 1,5 тыс. человек получили смертельные травмы на железных дорогах России с начала года из-за несоблюдения правил безопасности. Об этом сообщил в рамках круглого стола в ТАСС руководитель департамента охраны труда, промышленной безопасности и экологического контроля компании РЖД Дмитрий Раенок. По его данным, всего за 10 месяцев 2014 года на стальных магистралях были травмированы свыше 2 тыс. человек, из которых более 1,5 тыс. человек, в том числе 132 ребенка, скончались. Основной причиной травматизма несовершеннолетних является грубое нарушение правил личной безопасности при нахождении на объектах железнодорожного транспорта: переход железных путей в неустановленных местах, езда на крыше и между вагонами, игры на железнодорожном полотне и другие «развлечения». Подростки, находясь непосредственно вблизи или на железнодорожных путях, не могут услышать сигнал приближающегося поезда из-за того, что в это время слушают музыку посредством плеера или мобильного телефона (в наушниках), занятие «зацепингом», желание сделать эффектное «селфи» на опасных объектах транспорта, перебегание путей или влезание на железнодорожный мост, на крыши вагонов ради шутки, лихачества. Это свидетельствует о том, что несовершеннолетние либо не знают, либо недооценивают те опасности, которые их ждут при нарушении правил пребывания на объектах железнодорожного транспорта. Для наглядного изучения вышеназванных правил можно проводить интерактивные мероприятия, экскурсии в структурные подразделения ОАО «РЖД». На родительских собраниях обратить внимание родителей на необходимость усиления контроля за поведением, времяпрепровождением их детей, установления круга общения подростков,

контроля общения детей в социальных сетях, поскольку вовлечение в такое экстремальное развлечение как «защепинг» происходит, в основном, посредством сети Интернет.

Стоит также отметить, что в соответствии со ст. 60 Конституции Российской Федерации, гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. При этом, согласно ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. По отношению к несовершеннолетним действующее законодательство предусматривает общее правило, согласно которому к лицам в возрасте от 16 до 18 лет, совершившим административные правонарушения, применяются меры, предусмотренные Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее - КДН). Именно данным государственным органам и принадлежит преимущественное право рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними. КДН рассматривают дела об административных правонарушениях по месту жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Административное наказание может быть наложено на несовершеннолетних или их родителей по общим правилам не позднее двух месяцев со дня совершения правонарушения, а за нарушения при длящемся правонарушении – не позднее двух месяцев со дня его обнаружения (ст. 4.5 КоАП РФ). Уголовная ответственность, которую могут понести несовершеннолетние, с учетом доказательств, в отношении ж/д и объектов ж/д, с трактованием обвинительной статьи - приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267 УК РФ).

Административная ответственность наступает в возрасте 16 лет. При этом 16 лет должно исполниться на момент совершения правонарушения. Предусмотрено много видов административных наказаний. К несовершеннолетним правонарушителям применяется в основном предупреждение либо штраф.

Как отмечает И.Н. Архипцев, под обеспечением общественного порядка и общественной безопасности на транспорте согласно действующему законодательству РФ понимается система мер, предусматривающая осуществление надзора за соблюдением правил, действующих на объектах транспортного комплекса, которые обеспечивают [8]:

- общественное спокойствие, общественную нравственность, человеческое достоинство и здоровье граждан [1], то есть гарантированные Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина;
- нормальное функционирование средств транспорта и его обслуживающих систем;
- предупреждение, а также пресечение нарушений этих правил, применение мер государственного или общественного воздействия к нарушителям [2, с. 125].

Охрана общественного порядка, а также обеспечение безопасности на данном виде транспорта зачастую определяется его специфическими особенностями и учитывает множество факторов, которые оказывают влияние на распределение сил и средств подразделений МВД России на транспорте.

Пути железнодорожного сообщения (железнодорожные станции, пути общего и не общего пользования, пассажирские платформы и т.д.) принято считать зонами повышенной опасности. Поэтому они могут быть огорожены за счет средств владельцев инфраструктуры [5].

В качестве специфических особенностей работы железнодорожного транспорта можно назвать круглосуточный режим работы, обширную протяженность участков, постоянное перемещение большого числа людей и огромного количества грузов, обширные возможности для использования транспорта преступными элементами, подверженность перевозок сезонным колебаниям, притягательность железнодорожных путей для бродяг и несовершеннолетних лиц и т.д.

Все вышеперечисленные факторы влияют на организацию и проведение работы транспортной полиции. При сопровождении поездов на участках, обслуживаемых подразделениями МВД России на транспорте, имеется множество платформ, станций,

вокзалов, вагонов, железнодорожных составов и других объектов транспорта [2, с. 127].

Таким образом, в целях повышения эффективности Принимая решение по охране общественного порядка, в том числе безопасности несовершеннолетних, начальники линейных отделов внутренних дел должны учитывать специфику работы транспорта, возможности, особенности и назначение сил и средств, ее обеспечивающих, формы и методы их работы. Прежде всего, начальникам линейных ОВД необходимо рекомендовать тщательно анализировать оперативную обстановку, сложившуюся на участке обслуживания и возможности ее изменения в ближайшей и отдаленной перспективе. После чего всесторонне должны быть учтены многочисленные факторы, такие как: время суток; график следования транспортных средств; пораженность отдельных участков объектов транспорта преступлениями и нарушениями общественного порядка; виды транспортных средств и станций (грузовые, сортировочные и участковые, пассажирские и промежуточные); наличие своих сил и средств и их возможности; расположение соседних органов и учреждений внутренних дел как транспортных, так и территориальных, а также их нарядов, нарядов ВОХР, воинских нарядов и их возможности; наличие дополнительных и приданных сил, сил и средств общественности и их возможности.

С учетом специфики работы объектов железнодорожного транспорта организуются виды нарядов, схожие по функциям с нарядами территориальных подразделений полиции. Также для усовершенствования системы обеспечения безопасности несовершеннолетних на объектах ж/д транспорта, предлагается усилить работу по охране общественного порядка, которую осуществляют патрули, посты и оперативно-поисковые группы. При этом можно отметить, что сейчас необходимо усилить пропаганду о поведении несовершеннолетних на объектах железнодорожного транспорта. Для этого можно использовать сеть Интернет, социальные сети, т.к. несовершеннолетние очень часто посещают сети интернет. В помещениях вокзалов обычно выставляются посты в местах, наиболее удобных для наблюдения за гражданами [2, с. 127]. В зависимости от интенсивности пассажиропотока на платформах выставляются посты, наблюдающие как за посадкой, так и за высадкой пассажиров и осуществляющие периодические обходы платформ и прилегающих к ним сооружений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993.) // СПС «Консультант Плюс», 2015.
2. Административная деятельность ОВД: учебник для вузов / под ред. М.В. Костенникова, А.В. Куракина. М.: Юрайт, 2014.
3. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2010 г. № 1285-р (ред. от 11.12.2013) «Об утверждении Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013. № Пр2685) // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
5. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 17-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г., с изм. от 01.12.2014) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
6. Приказ МВД России № 1022, Минтранса России № 487 от 27.12.2013. «Об утверждении Инструкции по организации работы нарядов полиции линейных управлений (отделов) МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и работников локомотивных и поездных бригад по обеспечению правопорядка в поездах дальнего следования и пригородного сообщения» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.01.2014 № 31172) // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

7. Федеральный закон от 07.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О транспортной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс», 2018.
8. *Архипцев И.Н.* // К вопросу об особенностях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на железнодорожном, воздушном и водном транспорте.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

Дергунов К.И.

*Дергунов Кирилл Игоревич – магистрант,
кафедра гражданского права и процесса,
Юридическая школа*

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Аннотация: в статье освещаются основные теоретические и практические проблемы подведомственности корпоративных споров, приводятся примеры из судебной практики и делается вывод о необходимости внесения изменений в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: подведомственность, корпоративный спор, трудовой спор, арбитражный суд, суд общей юрисдикции.

Главой 28.1 АПК РФ предусмотрены особые правила рассмотрения корпоративных споров [1]. Между тем, в научных кругах, а более того, в судебной практике до сих пор не сложилось единого представления о том, какому именно суду подведомственны те или иные категории корпоративных споров. В связи с этим в российской правовой действительности наблюдается наложение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции, что приводит к парадоксальным ситуациям, где аналогичные дела слушаются попеременно то в арбитражном суде, то в суде общей юрисдикции.

На первый взгляд, подобная неопределенность кажется надуманной – законодателем в статье 225.1 АПК РФ исчерпывающим образом обозначены все категории дел, рассматривать которые правомочны арбитражные суды. Между тем, указанная статья обладает рядом положений, вступающих в противоречие с Общей частью Гражданского кодекса Российской Федерации в части определения понятия корпоративных отношений, а, следовательно, и корпоративных споров. Кроме того, некоторые категории корпоративных споров, указанных в этой статье, зачастую возникают не только из корпоративных отношений, но и из правоотношений, регулируемых иными отраслями права. Всё это влечет за собой вступление главы 28.1 АПК РФ в противоречие со статьей 22 ГПК РФ, предусматривающей правила подведомственности для судов общей юрисдикции.

В настоящей статье мы обозначим эти противоречия и выделим наиболее типичные ситуации расхождения арбитражной практики и практики судов общей юрисдикции.

Корпоративными являются споры, связанным с созданием, управлением или участием в корпорации. Однако буквальное толкование статьи 225.1 АПК РФ позволяет сделать вывод, что субъектом подобного спора может быть и унитарное юридическое лицо – в частности государственное (муниципальное) предприятие, что в целом противоречит концепции корпоративных правоотношений. При этом отдельное выделение корпоративных споров связано с необходимостью обеспечения особой защиты участников корпораций, что в случае с унитарными предприятиями нецелесообразно ввиду того, что собственник имущества, передаваемого на праве хозяйственного ведения юридическому лицу, действует самостоятельно и по своему усмотрению, назначая подотчетного ему руководителя предприятия.

Основная проблема заключается в разграничении корпоративных споров (в соответствии со статьями 27 АПК РФ такие споры подведомственны исключительно арбитражным судам) и иных споров, схожих с ними.

1) Возмещение убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица.

В данном случае правило специальной подведомственности, основывающейся на условии участия в споре конкретных субъектов, превалирует над общими правилами подведомственности. В частности, Постановлением АС ДВО от 16 февраля 2017 г. N Ф03-194/2017 было оставлено в силе Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда об отмене определения о прекращении производства по делу в связи с нарушением правил подведомственности.

Суть спора заключалась в необоснованной, по мнению общества, компенсации за увольнение юрисконсульта, на основании дополнительного соглашения, подписанного директором общества. В связи с этим общество обратилось в суд с требованием о возмещении убытков. Арбитражный суд первой инстанции необоснованно прекратил производство по делу, сославшись на то, что споры из трудовых отношений рассматриваются судом общей юрисдикции. Между тем, суд не учел, что споры, связанные с ответственностью лиц, входящих или входивших в состав органов управления юридического лица относятся к подведомственности арбитражных судов, вне зависимости от природы спорного отношения [2].

Тем не менее, существуют и иные позиции. Так, например, Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2013 г. № 35-КГ13-2) отменены определения нижестоящих судов о прекращении производства по делу в связи с неподведомственностью спора суду общей юрисдикцией. Общество обратилось с иском о взыскания материального ущерба к генеральному директору. Независимым аудитором были выявлены факты нарушений организации финансово-хозяйственной деятельности, отнесенных к ответственности руководителя. В данном случае суд руководствовался правилом субъектного состава (отсутствие у руководителя статуса индивидуального предпринимателя) и природой правоотношений (трудовой характер связи между гендиректором и обществом) [3].

Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» прямо обозначало, что такие споры являются корпоративными и должны рассматриваться арбитражными судами. Однако постоянное соперничество компетенций двух ветвей судов сводит на нет постулаты подведомственности, что приводит к отсутствию единообразия судебной практики [4].

Д.В. Бурачевский предлагал следующую концепцию: дела по искам участников общества к руководителю он относил к категории корпоративных споров – как вытекающие из отношений членства, споры по искам самой корпорации к руководителю считать трудовыми, так как руководитель несет ответственность перед юридическим лицом [5, с. 23]. Между тем, такой подход значительно устарел в связи с вполне конкретным отнесением споров по искам, как участников корпорации, так и самой корпорации, к корпоративным.

2) Зависимость подведомственности от организационно-правовой формы юридического лица.

Формулировка статьи 225.1 АПК РФ, перечисляющая организационно-правовые формы, явно упускает ряд юридических лиц, относящихся к корпорациям и формально являющихся субъектами корпоративных споров. Эта проблема на практике приводит к двойным стандартам, причем встречающихся в делопроизводстве одного и того же суда.

В Постановлении ФАС МО от 25.03.2011 № КГ-А41/1255-11 по делу № А41-22410/10 суд, рассматривая дело по иску участника садоводческого некоммерческого товарищества к самому товариществу, где участник оспаривал свое исключение, поддержал своих «нижестоящих коллег», признав юридическое лицо такой организационно-правовой формы не надлежащим субъектом в корпоративном споре [6].

Однако в Постановлении ФАС МО от 24.08.2011 № КГ-А41/8545-11 по делу № А41-27571/10, то есть 5 месяцев спустя, суд вновь поддерживает определения нижестоящих инстанций о прекращении производства по делу, где садоводческое некоммерческое товарищество оспаривало решение общего собрания членов. Однако в этот раз подведомственность признается соблюденной, а само постановление содержит следующую формулировку: «При этом наличие в статье 225.1 АПК РФ прямого указания на некоммерческое партнерство, и отсутствие такового в отношении некоммерческого товарищества и потребительского кооператива, свидетельствует о наличии в процессуальном законодательстве правовой неопределенности в отношении подведомственности споров, связанных с созданием, реорганизацией и ликвидацией некоммерческих товариществ и потребительских кооперативов» [7].

Полагаем, что статья 225.1 АПК РФ нуждается в существенной доработке через расширение перечня юридических лиц, а именно путем обозначения любой корпорации как субъекта корпоративного спора.

3) В случае признания спора корпоративным статус стороны не имеет значения.

Акционерное общество, являющееся участником другого акционерного общества, обратилось в арбитражный суд с иском о признании недействительной сделки – в силу отсутствия ее одобрения как крупной, а также о признании ее ничтожной в силу безденежности. Суды первой и второй инстанции, вынося определение о прекращении производства по делу в связи с неподведомственностью спора арбитражному суду. Однако кассационная инстанция определения нижестоящих инстанций отменила, признав данный спор корпоративным, невзирая на то, что контрагент второго акционерного общества является физическим лицом.

Постановлением АС ДВО от 11 мая 2016 г. № Ф03-861/2016 также были поддержаны судебные акты нижестоящих инстанций. Суд указал, что предметом спора является заявленное участниками общества требование о признании недействительным заключенного обществом договора, при этом статус физического лица у контрагента общества по данной сделке не исключает применение специальной подведомственности, установленной пунктом 3 статьи 225.1 АПК РФ [8].

В судах общей юрисдикции формулировки совершенно иные. Единственный участник общества обратился в суд с иском к контрагенту общества – физическому лицу, с которым директор общества заключил крупную сделку, не получив одобрения участника. Московский городской суд в апелляционном определении от 2 февраля 2016 г. по делу № 33-3619, отменяя определение о прекращении производства по делу в связи с неподведомственностью, усмотрел зависимость подведомственности от субъектного состава. Участник общества был признан представителем общества, а сам спор представлен как иск общества к физическому лицу о признании сделки недействительной. В данном случае суд усмотрел гражданско-правовую природу спора между участниками [9].

Таким образом, можно сделать очевидный вывод о неустойчивости этой категории споров. Корпоративные споры в процессуальном праве представляются некой нейтральной территорией, на которую поочередно посягает то одна, то другая сторона. И если у арбитражных судов имеются все основания для

формального распространения своей компетенции на эту категорию споров, то суды общей юрисдикции зачастую неправомерно принимают чисто корпоративные споры к своему производству, вынося решения, не соответствующие судебной практике и, что более важно, процессуальному законодательству Российской Федерации.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 28.12.2017). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.02.2017 по делу № А04-4901/2016. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 29.03.2013 № 35-КГ13-2. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Бурачевский Д.В.* К вопросу о подведомственности споров с участием лиц, осуществляющих функции органов управления акционерного общества или являющихся членами таких органов // Российский судья, 2008. № 12. С. 21-26.
6. Постановление ФАС Московского округа от 25.03.2011 по делу № А41-22410/10. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Московского округа от 24.08.2011 по делу № А41-27571/10. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.05.2016 по делу № А59-4274/2013. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.02.2016 по делу № 33-3619/2016. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Калинченко А.Р.

*Калинченко Анна Романовна – магистрант,
кафедра гражданского права и процесса,
Юридическая школа*

Дальневосточный Федеральный университет, г. Владивосток

Аннотация: *в настоящее время ликвидация, являясь одним из способов прекращения существования юридических лиц, активно применяется на практике. Существует несколько явлений, имеющих общую с ликвидацией правовую природу, между которыми необходимо установить соотношение. Вследствие своей комплексности институт ликвидации на практике имеет множество спорных моментов, которые требуют рассмотрения.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, корпоративный спор, ликвидация.*

В современном гражданском обороте юридические лица играют важную роль. В связи с этим актуальность вопроса о прекращении их существования, или, как пишут в литературе, о «смерти» юридического лица все больше возрастает. Об этом же свидетельствуют и многочисленные изменения, которые законодатель внес в главу 4 Гражданского кодекса, в частности в нормы о ликвидации.

Ликвидация юридического лица представляет собой процедуру, влекущую прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства прав и обязанностей этого юридического лица к другим лицам.

Проанализировав действующее законодательство в области ликвидации, можно прийти к выводу, что в настоящий момент существуют такие категории, как ликвидация юридического лица в обычном порядке, ликвидация юридического лица, предусмотренная законодательством о несостоятельности (банкротстве) и исключение юридического лица из ЕГРЮЛ. Закон не содержит однозначного ответа на вопрос о соотношении указанных категорий, поэтому в науке сложилось множество точек зрения по этому поводу, например, о том, что исключение из ЕГРЮЛ является как самостоятельной процедурой, так и итоговым этапом при ликвидации юридического лица в обычном порядке и в порядке конкурсного производства. Данное утверждение не лишено смысла, однако, если все-таки считать, что это одно и то же, то остается множество вопросов, в частности о том, что делать с оставшимся после исключения из ЕГРЮЛ имуществом юридического лица, и признается ли оно бесхозным. В Постановлении Пленума ВАС РФ указывает, что процедура исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ является специальным основанием прекращения юридического лица, не связанным с его ликвидацией [1]. Кроме того, исследователи говорят о том, что ликвидация – процедура, предусмотренная исключительно Гражданским кодексом РФ и специальными законами об отдельных видах юридических лиц [2, с. 16], а также, что конкурсное производство есть особый вид исполнительного производства и никак не связано с ликвидацией [3, с. 68]. На наш взгляд, нельзя абсолютно разделять обычную ликвидацию и ликвидацию в порядке конкурсного производства, поскольку одно может переходить в другое в уже начатом процессе ликвидации. Думается, что ликвидация, предусмотренная ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», направлена, прежде всего, на то, чтобы в большей степени обеспечить соблюдение прав кредиторов, поскольку в такой ситуации риски увеличиваются.

Таким образом, соотношение указанных понятий видится следующим образом: ликвидация в порядке конкурсного производства представляет собой особый, специфический порядок ликвидации, который в силу своей значимости получил отдельное законодательное регулирование, а исключение из ЕГРЮЛ может пониматься в двух смыслах. Во-первых, как итог ликвидации или конкурсного производства, представляющий собой чисто технический акт и, во-вторых, как специальное основание прекращения юридического лица при наличии условий, установленных законом.

Проведение процедуры банкротства должника является одним из способов защиты прав его кредиторов, однако на практике широко распространены случаи, когда дело о банкротстве прекращается из-за параллельного исключения налоговыми органами недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ. В такой ситуации кредиторы остаются ни с чем. Конституционный суд РФ в своем Постановлении выразил позицию, противоречащую сложившейся практике, указав, что при принудительной ликвидации организаций-должников должны быть приняты меры к предотвращению или хотя бы уменьшению потерь их кредиторов [4]. Так, кредитор, который обращается в суд с заявлением о признании должника банкротом, имеет полное право на удовлетворение своих требований к должнику именно в рамках дела о банкротстве. Важно, что в этом случае он получает возможность удовлетворения своих требований за счет привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, если имущества самого должника недостаточно (абз. 4 п. 4.1 Постановления).

Проанализировав имеющуюся судебную практику, мы приходим к выводу о том, что сейчас по проблеме ликвидации юридических лиц наметились

следующие основные тенденции: во-первых, большая часть всех исковых требований о ликвидации юридических лиц (не включая оснований, предусмотренных для случаев банкротства) арбитражным судом удовлетворяется, во-вторых, в абсолютном большинстве случаев требование о ликвидации заявляется налоговыми органами, т.е. они являются одним из основных субъектов по делам, связанным с ликвидацией юридических лиц.

Например, в настоящее время увеличивается количество случаев ликвидации налоговыми органами тех юридических лиц, которые не получают корреспонденцию по своему юридическому адресу. Это же разъясняют Письма ФНС России [5], которые содержат указания на необходимость подачи искового заявления в суд о ликвидации юридического лица, при наличии информации о том, что связаться с юридическим лицом по адресу, указанному в ЕГРЮЛ, невозможно. Таким образом, для удовлетворения исковых требований необходимо наличие в совокупности следующих условий:

- ✓ имеется информация о том, что связь с юридическим лицом по указанному в ЕГРЮЛ адресу невозможна (представители компании по адресу не располагаются и корреспонденция возвращается);

- ✓ по адресу организации было направлено уведомление о необходимости предоставления достоверных сведений об адресе;

- ✓ к организации не может быть применена процедура исключения из ЕГРЮЛ по решению налогового органа во внесудебном порядке как к недействующей организации.

Интересно, что в случаях, когда вместо требования о ликвидации регистрирующий орган предъявляет требования о признании недействительными государственной регистрации юридического лица либо акта о внесении изменений в сведения ЕГРЮЛ об адресе юридического лица по мотиву недостоверности таких сведений, суд отказывает в их удовлетворении [6].

Принудительная ликвидация юридического лица, в ее правовом смысле, является высшей санкцией, которая может быть применена к юридическому лицу судом, по сравнению с иными мерами ответственности, предусмотренными как гражданским, так и административным и налоговым законодательством. При применении ликвидации как санкции за нарушение требований законодательства, необходимо иметь в виду, что она не может быть назначена по одному лишь формальному основанию неоднократности нарушений законодательства, а должна применяться в соответствии с общеправовыми принципами юридической ответственности и быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям [7].

С момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходят полномочия по управлению делами юридического лица и обязанность по соблюдению порядка ликвидации. Рассмотрим возможные нарушения и способы защиты прав кредиторов более детально. В зависимости от этапа ликвидации, все нарушения, допущенные комиссией, можно условно разделить на совершенные: на стадии выявления и признания требований кредиторов (например, уклонение от рассмотрения требований кредиторов либо необоснованный отказ в признании данных требований); на стадии формирования и реализации имущества должника (например, нарушение порядка проведения торгов); на стадии осуществления расчета с кредиторами (например, представление в регистрирующий орган недостоверной информации об объеме требований, нарушение очередности удовлетворения требований).

В таких ситуациях у кредиторов есть несколько вариантов для защиты и восстановления своих нарушенных прав. Во-первых, обращение в суд с иском к регистрирующему органу о восстановлении записи о государственной регистрации юридического лица, однако одного факта восстановления записи

будет недостаточно, поэтому на практике используют предъявление в совокупности двух требований:

а) о признании недействительным решения налогового органа о государственной регистрации в связи с ликвидацией и

б) о признании недействительной регистрационной записи в ЕГРЮЛ о регистрации в связи с ликвидацией.

Вторым способом защиты является предъявление иска о возмещении убытков к лицам, входившим в состав ликвидационной комиссии, либо к ликвидатору должника. Для удовлетворения такого иска кредитор должен представить доказательства, подтверждающие наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ликвидационной комиссии и возникшими у него убытками в виде непогашенной задолженности. Однако даже при положительном для истца решении суда у бывшего ликвидатора элементарно может не оказаться средств для взыскания.

Еще одним проблемным вопросом является тот факт, что при оспаривании ликвидации юридического лица в судебном порядке к участию в деле по смыслу ст.ст. 270 и 288 АПК РФ должно привлекаться само ликвидированное юридическое лицо, что чисто технически является невозможным.

Таким образом, ликвидация занимает особое место в деятельности юридического лица, а также его кредиторов и иных третьих лиц, непосредственно с ним связанных. Зачастую выступая в качестве санкции за нарушение тех или иных положений закона, ликвидация призвана, в первую очередь, обеспечить соблюдение прав и законных интересов третьих лиц, которые могут пострадать от умышленных действий органов юридического лица или от случайно сложившихся обстоятельств. Рассмотрев некоторые аспекты, связанные с ликвидацией юридических лиц, мы видим, что действующее законодательство в данной области является несовершенным и законодателю следует восполнить его пробелы и исправить неточности.

Список литературы

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 67 (ред. от 15.02.2013) «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц» // «Вестник ВАС РФ», 2007. Февраль. № 2.
2. *Мифтахутдинов Р.Т.* Проблемы оптимизации прекращения юридических лиц без правопреемства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 31 с.
3. *Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В.* Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 346 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2015 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис» // «Вестник Конституционного Суда Российской Федерации», 2015. № 4.
5. Письма ФНС России от 12 декабря 2013 г. № СА-4-7/22406; от 12 августа 2015 г. № ГД-4-14/14095 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // «Экономика и жизнь» (Бухгалтерское приложение). № 32, 16.08.2013.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 14- П // «Собрание законодательства РФ», 28.07.2003. № 30. Ст. 3102.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ИСК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРАНЦИИ

Сейдимбек А.А.

*Сейдимбек Айбар Асылханұлы – студент,
кафедра гражданского и экологического права, юридический факультет,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан*

Аннотация: в статье анализируются вопросы реализации права на иск по законодательству Франции. Рассмотрены основные элементы иска по ГПК Франции, виды исков, порядок его подачи в суд. Автором отмечено, что особенностью реализации права на иск по законодательству Франции является своеобразная предпосылка «*гесонспилиаион*» (в переводе означает «примирение»). Эта предпосылка состоит в том, что перед обращением с иском в суд истец должен осуществить попытку примирения с другой стороной спора.

Ключевые слова: исковое производство Франция, иск, процессуальное право, примирение, гражданский процесс.

Основным видом гражданского судопроизводства во Франции является исковое производство. В процессуальном праве Франции исковое производство называют также процессом общего права, либо обычным процессом. Посредством обращения заинтересованного лица в суд с иском происходит возбуждение гражданского дела. Понятие иска приведено в ст. 30 ГПК Франции, в соответствии с которой иском называется право обладателя требования – истца быть выслушанным по существу требования до тех пор, пока суд признает его хорошо или недостаточно обоснованным, и право ответчика оспаривать основание требования [1]. Из этого определения следует, что иск во французском праве рассматривается не только с точки зрения истца, но и с точки зрения ответчика.

Элементы иска приписываются во французском гражданском процессуальном праве не иску, а спору, который является предметом процессуального отношения или производства (*l'instance*). Таким образом, французы предпочитают говорить о содержании, элементах спора, а не об элементах иска. Содержание спора - его предмет (*l'objet*) и основание (*cause* или *fondement*) определяются сторонами в подаваемых ими состязательных бумагах (исковом заявлении и отзыве).

В целом, можно с определенной долей условности отождествить понимание предмета и основания как содержание спора (который в свою очередь является предметом процесса) с предметом и основанием иска, поскольку во многом именно истец в исковом заявлении определяет эти элементы спора.

Указанные элементы также используются для определения тождества процессов, т.е. если говорить в терминах российского права – тождества исков.

При определении тождества исков сравниваются не старый иск и новый, а решение суда, принятое по предыдущему спору, и элементы нового спора. Тождество определяется по правилам ст. 1351 ГК Франции, согласно которой авторитет судебного решения распространяется лишь на то, что было предметом этого решения. «Необходимо, чтобы истребуемая вещь была та же самая, чтобы основание было то же самое и чтобы те же стороны действовали в том же качестве (процессуальном статусе)» [2].

Во французской процессуальной литературе различаются понятия «иск» и «требование». Требование выражает право на иск, то есть на материальное право, оно существует при реализации этого права. Право на иск является факультативным, свободным, поскольку само материальное требование может быть необоснованной. Право на иск существует при наличии определенных

условий, предпосылок, к которым относятся: наличие интереса, качество стороны в процессе, то есть правовое основание, которое позволяет обратиться в суд за защитой своего нарушенного права, правоспособность.

Осуществление права на иск состоит из требований истца и возражений ответчика. ГПК Франции предусматривает возможность изменения элементов иска, под которыми понимаются встречный иск, дополнительный иск и иск третьего лица (ст. 63-70 ГПК).

Встречным иском является иск, которым первоначальный ответчик хочет добиться другой выгоды, чем простой отказ в иске (ст. 37, 39, 1142 ГПК). Дополнительный иск является иском, которым сторона меняет свои первоначальные исковые требования.

Встречный или дополнительный иски принимаются к рассмотрению, если они связаны с первичными требованиями достаточной связью.

Иск третьего лица – иск, целью которого является вступление третьего лица в процесс, начатого сначала сторонами. Он направлен против стороны и предъявляется, если третье лицо вступает в спор со стороной.

В любом иске, предъявляемом в процессе рассмотрения дела, должны быть изложены требования и доводы стороны, которая его подает, а также доказательства, подтверждающие эти требования (ст. 67 ГПК). Все эти иски имеют силу состязательной бумаги и доводятся до сведения противной стороны (ст. 68 ГПК). Реализация права на иск базируется на основополагающем принципе, закрепленном в 12 ГПК Франции, которая содержится в разделе «Основные принципы гражданского процесса». Это принцип обоснования, который сформулирован так: «*Da mihi factum, dabo tibi jus*» - «дай мне факты, и я дам тебе право» [3, с. 30]. Этот принцип означает, что на стороны возлагается обязанность доказывания, а суд - применение норм права. Процессуальное право Франции связывает реализацию права на иск с действиями сторон процесса.

Ответчик имеет в своем распоряжении средства защиты. Он может заявлять возражения против иска во время всего хода процесса. Эти возражения можно подразделить на материальные – по сути иска, и процессуальные – возражения по процессуальным основаниям, которые объявляют процесс неправомерным или аннулированным. К таким возражениям относятся, в частности, возражения о неподсудности, о прекращении производства по делу, об отложении дела (ст. 71 - 77, 92-94 ГПК).

ГПК предусматривает подачу заявления в электронной форме. Такая возможность была закреплена декретом от 28 декабря 2005 г. № 1678, в связи с принятием которого ГПК был дополнен новыми статьями (см. ст. 748-1-748-9), в содержание которых в дальнейшем были внесены изменения и дополнения. подача документов в электронной форме возможна, если это не запрещено законом. Электронные документы должны содержать указание на место совершения, печати, подписи и другие необходимые сведения. В случае предоставления документов в электронной форме нет необходимости изготавливать копии документов. Однако суд и заинтересованная сторона могут потребовать предоставления документа в распечатанном виде.

После обращения заинтересованного лица в суд необходимо, чтобы дело было принято к производству назначено к слушанию. После поступления искового заявления секретарь суда составляет акт, в котором истец указывает ответчика для явки в суд (ст. 55 ГПК). Подписав этот акт, ответчик считается официально уведомленным об открытии процесса. Ответчик должен знать предмет и средства истца, на которых он основывает свои требования. Однако нельзя требовать от истца на стадии возбуждения дела приводить очень точную аргументацию своих требований. ГПК Франции не требует представления всех средств при возбуждении дела, в частности не обязательно указывать юридическое основание

иска (ст. 56 ГПК).

Ответчик, который извещен о процессе, приобретает обязанности явиться в суд, а также поручить ведение дела адвокату, о чем необходимо уведомить истца. Стороны обязаны выполнить в течение четырех месяцев со дня их извещения о процессе все формальности, связанные с возбуждением дела. Причем эти формальности должны быть выполнены в определенные сроки. Так, вручение копии извещения секретарю суда должно быть сделано в течение четырех месяцев со дня получения уведомления, иначе оно теряет силу.

Согласно ст. 757 ГПК дело считается принятым к производству, когда одна или другая сторона вернули секретарю суда копию извещения. После этого секретарь суда назначает дело к слушанию и заводит дело (ст. 726, 727 ГПК). Председатель суда принимает меры по распределению дела, он направляет дело в одну из коллегий и назначает день, когда возможно обсудить дело вместе с адвокатами (ст. 758, 759 ГПК). Это необходимо, чтобы решить, будет ли дело предметом простого рассмотрения, – то, что практики называют «Circuit court» (короткий оборот), – или оно должно быть рассмотрено в обычном порядке, то есть под контролем судьи по подготовке дела «circuit long». Об этом судья информирует адвокатов сторон (ст. 825 ГПК).

Особенностью реализации права на иск по законодательству Франции является своеобразная предпосылка «гесонсiliation», что в переводе означает примирение. Эта предпосылка состоит в том, что перед обращением с иском в суд истец должен осуществить попытку примирения с другой стороной спора. Это правило не касается только отдельных категорий дел, например, торговых споров. В законодательстве Франции такая предпосылка появилась в период буржуазной революции. В современной доктрине положения закона относительно процедуры примирения подвергается значительной критике, однако Декрет от 30 октября 1935 года не только сохранил эту процедуру, но и усилил ее значение.

Требование о примирительной попытке должно быть сформулировано устно или в простой письменной форме секретарю суда, где истец должен указать фамилию, имя, отчество, профессию, адрес сторон и предмет требования (ст. 830 ГПК).

Примирительное производство возможно при участии посредника, но только с согласия сторон (ст. 832 ГПК). В случае даже частичного примирения посредник свидетельствует акт о соглашении, подписанный сторонами. В случае недостижения соглашения секретарь направляет сторонам письмо, которое напоминает им о процессе (ст. 832 ГПК).

Таким образом, состязательный процесс начинается при недостижении сторонами примирения, однако первичной задачей соревновательного процесса является примирение сторон.

Список литературы

1. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев / Предисловие: А. Довгерт, В. Захватаев / Отв. ред. А. Довгерт. К., 2004. 544 с., 2004.
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.03.2018).
3. Кулакова В.Ю., Мизоян М.Э., Соловьев А.А. Гражданский процесс зарубежных стран (Франция и Англия): учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект, 2017. 256 с.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»**

**АДРЕС РЕДАКЦИИ:
153008, РФ, Г. ИВАНОВО, УЛ. ЛЕЖНЕВСКАЯ, Д. 55, 4 ЭТАЖ
ТЕЛ.: +7 (910) 690-15-09.**

**[HTTPS://LEGALSCIENCE.RU](https://legalscience.ru)
E-MAIL: [INFO@P8N.RU](mailto:info@p8n.ru)**

**ТИПОГРАФИЯ:
ООО «ПРЕССТО».
153025, Г. ИВАНОВО, УЛ. ДЗЕРЖИНСКОГО, Д. 39, СТРОЕНИЕ 8**

**ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «ОЛИМП»
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВАЛЫЦЕВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ
117321, Г. МОСКВА, УЛ. ПРОФСОЮЗНАЯ, Д. 140**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
HTTP://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU
EMAIL: INFO@P8N.RU, +7(910)690-15-09

 РОСКОМНАДЗОР
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77-62020

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»
В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССЫЛАЕТСЯ:

- 1. Библиотека Администрации Президента Российской Федерации, Москва;**
Адрес: 103132, Москва, Старая площадь, д. 8/5.
- 2. Парламентская библиотека Российской Федерации, Москва;**
Адрес: Москва, ул. Охотный ряд, 1
- 3. Российская государственная библиотека (РГБ);**
Адрес: 110000, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
- 4. Российская национальная библиотека (РНБ);**
Адрес: 191069, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18
- 5. Научная библиотека Московского государственного университета**
имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва;
Адрес: 119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, Научная библиотека

ПОЛНЫЙ СПИСОК НА САЙТЕ ЖУРНАЛА: [HTTPS://LEGALSCIENCE.RU](https://legalscience.ru)

ISSN (print) 2412-8228
ISSN (online) 2541-7800

Вы можете свободно делиться (обмениваться) — копировать и распространять материалы и создавать новое, опираясь на эти материалы, с ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ указанием авторства. Подробнее о правилах цитирования: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.ru>

ЦЕНА СВОБОДНАЯ